

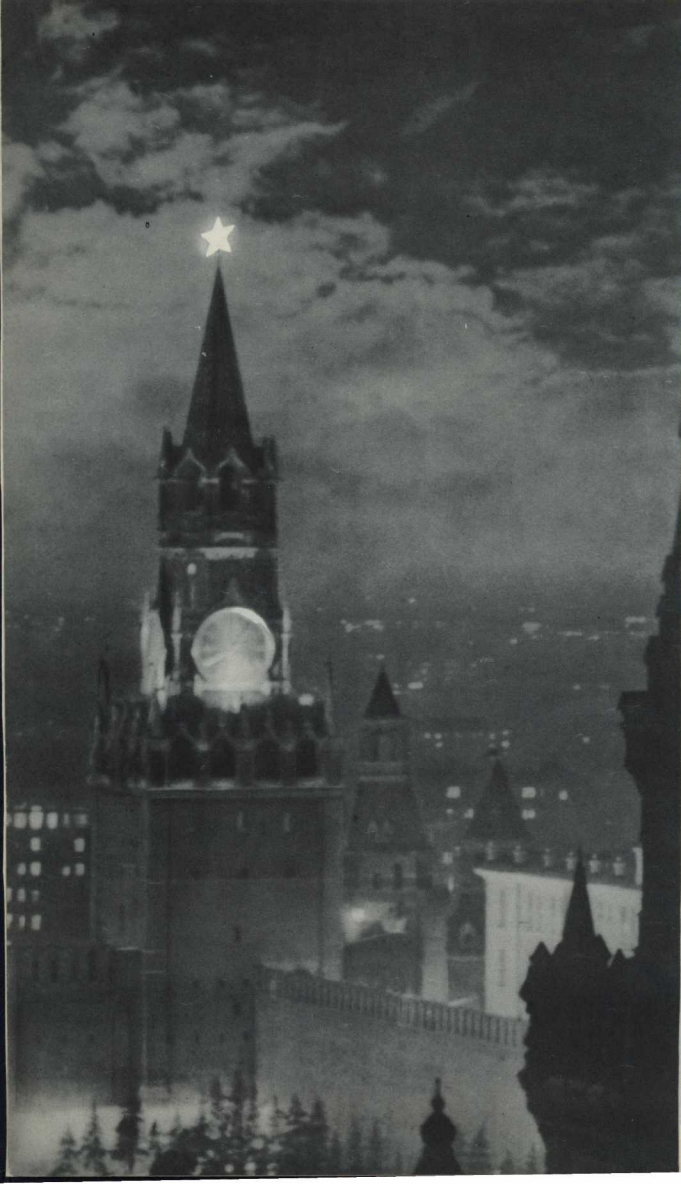
СМЕНА

СИГНАЛЬЩИК

1

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мечте мы дали крылья

Мы звезды новогодние
Над елками зажгли,
Мы славы нашу Родину —
Надежду всей земли.

Мечте мы дали крылья,
Высок ее полет.
Дорогой изобилия
Нас партия ведет.

Знамен багряных тканью
От бурь зашпонева,
Родной Москвы дыманьем
Согрета вся страна.

В единстве наша сила,
Мы братья навсегда.
Нас партия сплотила
Для мира и труда.

На елке новогодней
Огни горят в Кремле,
Наш первый тост сегодня —
За мир на всей земле!

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

Новогодний бал молодежи в Кремле.

Фото В. Гребнева.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Январь. № 1. 1956 год.

Год
издания
33-й

Ода новому дому

фото М. Озерского.

Новому дому
Новую оду
Пою, приветствую
Новый год.
Славя — НАРОДУ!
Солнце — НАРОДУ!
Счастье тебе,
Мой родной народ!
Иду Москваю,
Хозяйками взглядом
Присматриваюсь
К домам.
Вот новостройка,
Но видно сразу:
Не долго здесь
Держаться лесам!
Легко отбросив
Столбы забора,
Ненужную ружьядь
Своей стройбазы,
Расправит плечи
Домище скоро,
Сияющий,
соннеглазый.
Советским людям
Обязан он дать
Тепло, и уют,
И счастья частичку.
Он должен
Видом своим украшать,
Дом этот новый,
Мую столицу!

Мы в рай не спешим
На чудном горбе.
Счастье не за горами —
Своими руками
Его себе
Мы добываем сами!
Этаж на этаж.
И этаж опять —
В небо дворец этажится.
Госпитальный вай,
Дом пять
Издали сизкой кажется!
— Кто выстроил дом!
По секрету скажите.
Кто дому хозяин?
Кто в доме жить?
Скажу, не спешите,
Секретов нет:
К нему поднал его
Моссовет.
Почти что пятьсот
В этом доме квартир —
Не дом, а новый
Борозд за мир!
Приехал вселяться
В свой дом теперь
Захар Пешехонов —
Пенсионер!
Сегодня смолотит
Свежо и молодо
Бывший прокатчик
«Серпа и молота».

В одну из секций
Недавно въехал
Черкасов —
Вальцовщик прокатного цеха.

Детишки
В этом же доме самом,
Там девушка Галя —
Зовется «завома».
Ушли на завод
Отцы и мамыши.

Пляшут в детсапах
Наследник наши.
«С красным флагом,
Бодрыми шагом,
Раз, два, три!»

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Рассказ

Рисунки П. Пинкисевича.

Выдавалась на редкость холодная зима. В первые ноябри окончательное лег снег, и через несколько дней ανέλατο на ударам морозы и градусники показывали минус сорок. По утрам, а иногда и целыми днями Ангару окутывал плотный туман.

Туман как бы поглотил и город, и окрестные хвойные леса, и огромную стройку, что раскинулась на берегах Ангари, и дороги, по которым где-то грохотали автомашины и поезда.

Этот невиданный туман и холода сначала порезали Марьямова, потом начали угнетать. Он приехал из Москвы в демосезонное пальто, в кепке, временно поселился в гостинице и утром, имея на работу аршинные шагаи и закрывая руками прихваченные морозом уши, на что-то заикался и ничего вокруг не замечая, словно не было в городе ни людей, ни огромных зданий, ни топоялы, пушестых от инеи. Только посматривая на пробегавшие трамваи, недоумевая, как можно в этикий лютый мороз сидеть в тесноватых просторных автобусах.

Тепло было в гостинице и на работе — в маленьком, тесном помещении отдела эксплуатации Северной автобазы.

В конюшню было множество полок с пальевыми планками. В них хранились коммерческие договоры, путевки, копии накладных, акты на простои машин. Вероят-

но, половину из этих тупиков Марьямов предвидать переставал, потому что ездил он прибыла сюда, ему сказали: «Эксплуатация у нас оголена, один работник в отпуске, другой — на учебе, а сейчас готовится годовой отчет. Придется временно помочь начальнику отдела». Марьямов вздохнул, ответил: «Слушаюсь» — и уехал за указанным углом.

Молодому инженеру, естественно, не терпелось скорее перейти на производство, но отпустить его обещали лишь в следующем году.

Он добросовестно рылся в папках, неумело, как швейную машину, всей ладонью крутил ручку арифмометра, размашистым почерком, который никак не годился для узеньких графков, выписывала колонки цифр. Можно было порежиться усидчивости, с какой он все это проделявал, ни с кем не заговаривая, — объяснение же этому было одно: Марьямов чувствовал себя на автобазе чужим.

За толстым киринским брндмауэром, отдаленным контору от цеха вулканизации, немалыми днями приглушенно гудела движок. С той же стороны слышались простуженно-хриплые гудки автомашин, выхлопы моторов, добродушная брань и крики людей. Там, казалось, существует свой мир. Каждая день отсюда, из этого мира, в конюшню, заставленную планками, словно делая обязательный обход, за-

ходила краснотечный от холода механик гаража Шваидо в толстом полушубке, тут пережаченном солдатским ремнем. От одежды механика пахло бензином и крепким морозным воздухом.

Делать ему в конюшню было нечего. Косясь на мрачногого заведующего отделом, он задавал один и тот же вопрос: «Живем?» — и, подхлывая себя по полушубку, говорил: «Чего знает, как вы тут сидите, в этой бане! С посольем дуэляством он свысока посматривал на Марьямова, как бы говоря: «Ну, ну, поладим в дальнейшем!»

За тойкой перегородкой справа, в диспетчерской, с утра до вечера раздавался голос шиферот: «Зина, рисуй! Пуговский!» «А ну, Зиночка, распустишь на счастье своей ангильской ручкой!» Но всегда эти люди говорили уверенно, с хозяйской широтой, чувствуя, что они на автобазе главные люди.

Все это Марьямова почему-то задевало, хотелось объяснить шиферам, диспетчеру Зиночке и механику в толстом полушубке, что он, Марьямов, не претенд, едва выпорхнувший из стен института, что у него есть опыт автомобилиста. После средней школы два последних года войны он был бойцом автотрота, крутил баранку, потом в мастерских строительного управления руководил бригадой по группе коробки скорости, наконец, практика в институте.

Но никому Марьямов рассказывать об этом не стал — работал молча. А по вечерам, в гостинице, устав от шумной ватаги «командировочных», властолюбиво наговорившись с соседями об атомных открытиях, о совещаниях в Казане и о новой строительной выставке, рано ложился и думал о том, какая полная жизнь начнется у него, когда он — и непременно вскорости — встретит добрую, преданную женщину и очнется подальше от Марьямовых запыля, томивших productivity.

Туман исчез так же внезапно, как и появился, но мороз все крепчал.

Перед Новым годом Марьямов купил себе валенки и пушистую шапку из вольтского меха. Наден эти мягкие, чудесные вещи и выйдя на улицу, он был почти счастлив, почувствовал, что ему тепло, так тепло, что хоть кричи об этом. В этот день Марьямов впервые понял, что город, в котором он поселился, может быть, навсегда, велик и яриден. Марьямов вышел к реке. Давь была чиста и хрустальная, какой она бывает в горах Кавказа да в зимней Сибири. По реке плыли большие равные льдины, соединяясь над черными разводами. За холмами земли, укрытыми снегом, были видны стволы окскаваторов.

Вдруг обдав Марьямова снежной пылью, мимо пронеслась машина, груженная зелеными елками. «Завтра встречать Новый год!», — вспоминал он и почувствовал острое одиночество.

На другой день Марьямов, как всегда, работал. В конюшню отдела эксплуатации на одного человека прибавилось — вернулся отпуски. За день ничего не случилось. Впрочем, был подписан приказ о назначении Марьямова старшим инженером по ремонту в гараж № 2.

Вечером Марьямов шел по ярко освещенным улицам города и думал: «Ну, будмажи теперь к черту! Начинается человеческая жизнь!». Ему представлялось, что с той самой минуты, как он поиндент в конюшню, он встретил в этом мире счастье, радости, с их шумом, беспокойством и тревогой за пех, в его жизни что-то резко изменится. Во всяком случае, исчезнет ошу-

шение одиночества, какое, повидимому, даго влает людям на новых местах, даже вблизи и где все кажется далеко не таким, каким рисовало воображение Марьямов при мысли о том, спешить было некуда. Его обогнали люди со спортивными новогонными пупками в руках; в свете, в голосах прохожих чувствовалось праздничное возбуждение.

Вдруг снежная хлопья повалили с неба, медленные и торжественные. Марьямов свернула на боковую улочку, белую и тихую, остановился, решил закурить, но не закурил: навстречу по тротуару шла высокая молодая женщина в пуховом пальто и пальто, отделанном серым каракулем. Шла она медленно, поднимала бровное лицо навстречу снежным хлопьям, и тихо несл одну и ту же фразу: «Как хорошо, идет снег! Как хорошо, идет снег!»

Марьямов сразу же мыло простое лицо. Стоя под деревом, он видел ее пучковые губы, высокий лоб, чуть вздернутый нос и глаза, скрывающиеся тихий, сдержанный смех.

Марьямов быстро закурил и даго галдела женщине вслед, думая с горечью, что уличное знакомство считается признаком дурного тона. Люди выдумали для себя множество нехороших условностей — он не смеет догнать незнакомку, не может спросить ее имени, хотя сердце его переполнено странной, но твердой уверенностью, что она свободна, совершенно свободна.

Надо было возвращаться в гостиницу, но Марьямов вспомнил, что собирался зайти в магазин.

В огромном, сильно освещенном торговом зале было почти пусто. Полы из металлоплате блестели, а в углах таяли комья занесенный с улицы. Марьямов подошел к винному отделу. Продавщица в белой косынке, опечаляющая тем, что магазин до сих пор не закрыт, спросила, что ему угодно. Марьямов не успел ответить, как подоли кто-то чистым, звучным голосом произнес:

— Посоветуйте, что бы мне взять к празднику; я не разбираюсь в винах. Марьямов оборнулся и увидел перед собой незнакомку в пуховом пальто.

— Я вам помогу, — сказала он, начиная думать, что в ее появлении есть что-то знаменательное, и старательно принялся объяснять достоинства вина: «Какая женщина!» — думал он, желая продать случайный разговор. Она с любовью старательно пошла и чуть улыбалась старательности Марьямова ее, несомненно, забавляла. Наконец, выбрав вино, он торжально предупредил, что чеки выймет сам.

— Пожауйста, — сказала она, протянула деньги и прикусила губу, чтобы не расхохоталась.

Он выбрал чеки. Получив вино, они вместе пошли к выходу. На секунду Марьямов увидел в зеркале растерянное свое лицо и всего себя, высокого и нарядистого, в пышной меховой шапке. У него склеились сердце при мысли, что сейчас женщина уйдет, даже не сказав своего имени.

На ступеньках магазина она еще раз поблагодарила Марьямова. Ее большие глубокие глаза светились все тем же восторженным смехом, выражавшим тайную радость или отчаянное расположение духа.

«Как быть?» — тревожно подумал Марьямов и, заметив, что ему поворачивать где-то далеко, пошел рядом. Он шел, мучительно соображая, что сказать. Теперь он не сомневался: это красивая, спокойная женщина совершенно свободна, она не замужем, — иначе бы в такой час она не ждала, если покупила вино. Набранным решимости, он, наконец, именно об этом и заговорил.

Тогда она в первый раз внимательно посмотрела на него сбоку и замедлила шаг.

— Я была в компании, в очень хорошей, и полчаса назад ушла оттуда... Но вы, товарищ, пройдете свой поворот...

— Нет, — смутился он, — а я весь вечер мечтал о компании...

— Новый год надо встречать или в сво-

ей семье, или в своем коллективе, — назидательно сказала она. — С теми, с кем жить и мечтать.

— Да, — согласился Марьямов, глядя, как летит снег, теперь уже не кружась, а кося, как осенний дождь, все пачнее заваливая мостовую.

Она сняла перчатку и чуть свиннула палец возле виска. На щеке ее блеснула снежинка.

— Почему вы ушли из компании? — решительно спросил Марьямов.

— Это очень смешно...

— Что?

— То, что мы с вами разговариваем. Но, наверное, сегодня всем хочется делать смешное. — Она отряхнула перчаточку рукав. — Ну что ж. Собрался у моей давней подруги, мы вместе работаем... Неужели это интересно?... Много людей, половина незнакомых... Уже накрывали на стол, звали танцы. Я думала: сейчас выпью, начнется отчаянный шум, все это уже много раз было...

— Значит, там не нашлось людей, которые бы вас по-настоящему интересовали? — с надеждой спросил Марьямов.

— Не знаю, но дело не в этом. Я почувствовала, что в душе у меня какое-то серьезное наладу. Потом и поняла: совершенно перед матерью. Она бы тоже куда-нибудь пошла, но нельзя оставлять квартиру: буквально все соседи расхотелись... В прошлом году я вернулась домой с такой же встречей... Мама не спала. Она всегда меня ждет, и, по-моему, она плакала. Я вспоминаю об этом, незаметно одеюсь и тихонько ушла. Вышла, на улице предельно тихо, виллина. Я представляла, как будет счастлива мама, мы вдвоем встретим праздник, пусть пока вдвоем, это честно.

«Я видел, как вы шлы», — хотелось сказать Марьямову.

— Посмотрите же, какой снег! — Она ты начинаешь понимать, что порой очень уж мы горимся жить и до обидного много не видим вокруг себя: природу, друзей, родную мать, даже дома, которые радостно на наших глазах...

— Мы горимся строить, — серьезно сказала Марьямов.

— Это понимают все наши люди. Но вам же никто не мешает смотреть, как падает снег! Шагать на каток и на выставку художников. Ведь жизнь вокруг изумительна! Послушайте же, серьезный товарищ, нам просто нельзя быть сухарями... Она внезапно замолчала и, засмеявшись, спросила: — Вам, правда, надо было в эту сторону?

Смех ее на этот раз показался Марьямову лукавым и трезвым.

— Да, — неуверенно ответил он, — но...

Она вдруг легко взбежала по ступенькам высокого крыльца с перилами, возникшего неожиданно перед ними, и возникла. Только теперь он увидел перед собой двухэтажный старинный дом с балконом, с резным карнизом, с тусклой лампочкой на углу и чуть не закричал: «Остановитесь, куда же вы!»

— Опомитесь, — весело сказала с крыльца женщина, ставшая сразу чужой, — и вино, которое купили, никому не пригодится.

Позвольте же... — пробормотал Марьямов.

В это время за дверью послышалась старческий голос:

— Леночка, ты?

— Я, мамуля! — закричала Леночка, громко топая ногами.

Марьямов услышал звонок «Прощайте», и дверь захлопнулась. А он усталом смотрел на эту тяжелую широкую дверь,

Иван РЯДЧЕНКО

Стихи о мирной жизни

ЗЕРНО

Давно уже умолкли бун и громы сменялись тишиной,
Как шар земной в аминаторе,
Легит зерно передо мной,
Легит, так много вырваж,
вслуш ничего не говоря,—
одно зерно из урона
полезла «Бирская зорька»,
Стремится обманка куда-то;
двено острая стволон металл...
Ленин, зерно!
Ладонь солдата
тебе заменит пядестал.

ТИШИНА

За век моего поколения
впервые на шаре земном
гористые пуши осталье,
расслапсь с гримучны огнем.
Расслапсь оружье с гроном,
и я, забегая вперед,
клянусь, что от этой разлуки
никто на земле не умрет.
Что рада Вселенная слышать,
ада улетучился чад,
как яблоки, падая с веток,
о нашу планету стучат.

Над знойным полем отомели грозы.
Наполнились душным медом соты.
Прочирно-звонистые струены
над пашоты парят, как вертолеты.
Седой росой блещет луг поносный.
О трудящих толкуят бригадыры.
С полей привольных уроной колхозной
переселен на зымяне квартиры.
Идет сентябрь с багряною початью.
Раздольно в небе зорь похляхают.
Девичка в хатах примеряет платья,
и почачу-то авторы вздыхают.

Словно призрачные ноня,
он оставя позади,
барбанат в подопинки
тонконогие дончи.

За окошком тополь плачет,
по стаяку беникт струя,
Слышнись, лето,
осень смачет —
смена новая твоя!

г. Одесса.

облуту кошмой; на черной тоске тускло
блестела широкая шляпка грядковик.

«Что же я надавала! — сказала себе Мариям-
ов. — Какой же я...» Ему казалась, что он
сделаа какую-то непоправимую ошибку.
Он был уверен: вот запору женщину, Ле-
ночку, он мог поладить безотчетливо и наве-
сегда. Надо было что-то придумать, на-
до было сказать всю правду. Сказать, что
живет в гостинице, что в городе никого
не знает, что полтора месяца растет в
бульваре...

Марьямов медленно пошел, вспоминая,
что она сказала: «Пока вдводем с мамой»,
«Пока... Значит, сейчас она одна...» По-
чужа он... Я ее найду, я приду к ней. Сей-
час нельзя, но позже я приду...»

Он вернулся в гостиницу в приподнятом
настроении. В номере у соседки слышале-
сь голоса. Когда Марьямов вошел, кто-
то без выждая, в рубашке с распачнутым
воротом, облокотившись на подоконник,
глаголов читал стихи:

«Не покажалеся, что была зима,
Когда тебя увидел я, мой друг,
Какой мороз стоял, вилла ты, да,
Какой пустой декабрь шарил вокруг...»

«Удивительно! — подумала Марьямов, —
будто про меня». Он выжила немного ви-
на и скоро ушел к себе. Он крепко спал
и, когда пронаусил, сразу стал думать о
вчерашнем.

И на другой и на третий день, принимая
машины в гараже, он думал о том же
самом. Часть машин была уже затушена
под крышу, в тылу, другая часть еще
стояла возле забора, на чурбаках, но это
не имело сейчас решающего значения:
солнце давно пряталось в небе за туман-

ной пленкой, день был мглистый, но без-
ветренный, и стояла теплыня. Во дворе
убирали снег.

Марьямов помогал тот самый Швидко,
краснощепый, в толстом полушубке любил
насмешничать. Помогал он растороп-
но. Впрочем, и сейчас он бросал лужавые
взгляды, словно повторяя свое прожвие:
«Ну, ну, поживем, увидим».

Под вечер Марьямов сухо сказал ему:
«Соберите подсобников, пусть чисто
вычистят гараж и подвезут на «холодеж-
ный» кузов своих опалок. В углу на
ямаи навалены старые крылья и диски,
надо выбросить весь этот хлам. В будочке
у нормировщик завтра же с утра необхо-
димо вставить стекла, девчонка пожабова-
лась мне дуть сильно, а допрыгнись не
могут. И вообще, товарищ Швидко, лажном
хотя бы с внешнего порядка. Пусть пре-
жде всего будже чисть».

«Слушаюсь», — удивленно ответил Шви-
дко и кулда-то побежала.

Марьямов поладил, как лажно сидит на
нем полушубок и как ловко перегибает он
кожвным лососем, и подумал: «Содат, ко-
нечно, договоримся».

Потом Швидко верушась и доажил:
« Делаете!»

Теперь в глазах его все было в поряд-
ке, без этих «ну, ну». Обязательно оглады-
вался, он предупредил:

«С приемков завтра еще провозимся.
Так? А послеавтра акт подписывать. Будете
подписывать, товарищ Марьямов, смогрите
глазвям, без допусков. Так? А то
они могут повиснеть».

«Я знаю», — сказала Марьямов и ум-
наусал.

С приемков провозимась два дня, до
субботы. Все это время Марьямов думал о
Леночке жвзно и спокойно, как о челове-
ке, которого лажно и жорно звать. По-
чужа, он начал понимать: тойти и той
нельзя, это невозможно, они совершенно
чужие.

«И если только я ее найду! — взволнованно
думал Марьямов. — Буду, наконец, хо-
дить по улицам возле ее дома, и я ее
встречу».

В субботу с самого утра неожиданно на-
валилась забота: в инструментале не оста-
лось мечетных на подвойны, надо было по-
требовать у эксплуатационщиков буже
разобраться, почему выкросили подшив-
ку у рейсовой машины «22-00», принять
новые балокы...

Во время обобщенного перебрва подже-
датель диспетчера Звечка и, добродуш-
но-томо огладывая Марьямова, сказала:

«Почему бы вам после окончания отче-
та не принять участие в нашей стеновой
газете? Вы теперь заняты значительно
меньше».

«Занят я значительно больше», — нессе-
до ответил Марьямов, — но, конечно, по-
дуваю».

Потом подошла старенькая казначейша
из райкомы, предупредив, что в поне-
делажный общен профсоюзное собрание
и Марьямов — ответственный за стотрочен-
ную явку ремонтников. И ей Марьямов
сказал: «Будете спокойны». Ответствен-
ность также была принята.

Потом он увидел на заборе написанную
сурикком афишу об экскурсиях на строи-
тельство гидроэлектростанции. «Вот ведь
черт, стройка рядом», — подумала Марья-
мов — в Москве я мечта...»

В воскресенье он приехал на площадь,
где собралась экскурсия. Два автобуса
уже были залопаны работниками Север-
ной базы. Марьямов сел рядом со Шви-
дком, и занутил через три машины триу-
накс. Они мчались черной веей по вы-
строенный многоэтажвными домами. Марья-
мов жалеал, что стекла автобуса заделана
и сквозь них не увидишь, если вдруг,
на счастье, по улице где-нибудь пройдет
Леночка. Он стал диавильнее отодвнать
стекло, и на нем образовался светлый кру-
жочек. Марьямов увидел поднимающиеся
из труб белые чистые дымки, мальчиш-
ки на одном коньке с булкой хлеба подмыш-
кой. «Но ведь, может быть», — думала Марья-
мов, — у нее есть жених наш муж, он ра-
ботает где-нибудь на Дальнем Севере или
служит в армии и скоро приедет. Это же
допустимо».

Но допустить такое не хотелось, и
Марьямов стал думать, что Леночка, по-
видимому, не обыкновенная женщина. По-
сле встречи с ней мир дал него поветала.

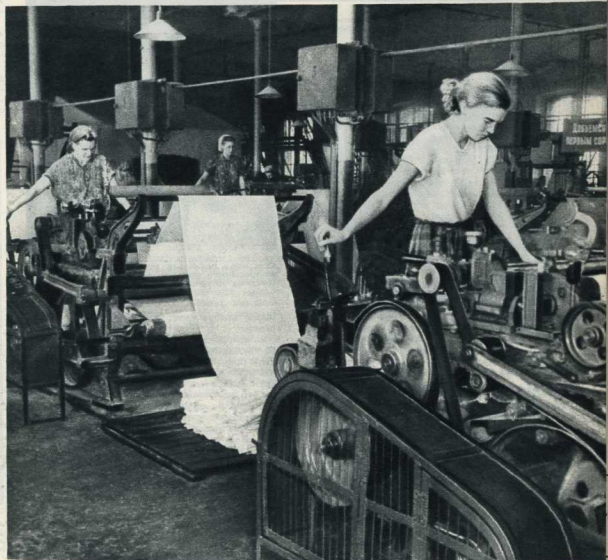
Автобусы остановились на ровной за-
снеженной площадке. В первые минуты
Марьямов увидел мало — доски, трубы,
торчащие из земли, серые стены бетоно-
чного завода. Но потом, когда все группа
вызодала на вершину холмвтия, у Марья-
мова на захватились глаза. В том, что
он увидел отсюда сразу и панораму
котлована для здания гидроэстанции, и
просторные над ним ажурные металличе-
ские эстакады, и курганм заголомленного
грунты, и великое множество транспор-
тных машин и экскаваторов, — просто ни с
какой другой точки строительства нельзя
было так ясно представить себе всю
грандиозность работ.

«Вот подлая река! — закричала Швидко
над ухом Марьямова. — Течет». Она така,
наша матушка Ангара: не захочет выжиче
и не встанет... Такава... В прошлом году ни
на один день не останавилась. Слыхал?
Выжидается река».

Гадля вдаль, Марьямов чувствовал, что
все это на самом деле прекрасно: город на
другой стороне за серебряными тополями,
в котором приоткрылся неизменный двух-
этажжй домик с вассекой крышью, и
строжка эта, вселяющая отчуждену веру
в жизнь, и земный воздух, пахнувший
весной.

г. Иркутск

В ЧЕСЬ А БЕЗД КГСС

В пролетах заводских цехов, в залах структурных бюро, в лабораториях, на фасадах фабричных зданий — повсюду в эти дни висят плакаты и транспаранты: «Встреча XX съезда родины! Коммунистической партии новым трудовыми успехами!». Специальная выставка «воинов» и радиопередач ежедневно сообщают о достижениях участников пресельскохозяйственного соревнования. Боева каждого предприятия обрела новый, боевой ритм. На почетную вахту в честь съезда стали миллионы труженников. Они несут эту вахту по велению сердца, по патристическому долгу. А то, что идет от сердца, от большого чувства, всегда бывает величественно и красиво, всегда дает чудесные плоды.

Вместе со своими старшими товарищами коммунистами упорно трудятся на заводах и на стройках юноши и девушки с немалым значением на груди. Их в нашей промышленности более трех с половиной миллионов. Молодежь составляет примерно половину всех рабочих.

Каждый день пресельскохозяйственного соревнования рождаются новые имена, страна узнает о славных трудовых подвигах молодых инноваторов.

Недавно на Мяснокомбинате автозавода имени Сталина бригада молодого инженера тов. Сустретова добилась выдающихся производственных показателей. Она изготовила 645 помоек вместо 360 по норме. Узнав об этом, свендичан из бригады тов. Девонна со свереником на 200 помоек. Бригада Сустретова решила не уступать первенства — и через несколько дней «воинов» известия коллектива цеха о ее новой победе: 1 115 помоек.

— Наш завод обязался дать сверх плана более двух с половиной тысяч грузовых машин, — говорит Сустретов. — Пусть автозаводы будут уверены: иуэцны их не подведет.

Соревнование — это творчество. И первенства в нем добиваются те, кто постоянно совершенствует свой опит, кто учится, кто сочетает большую смеялость с точным расчетом. Эти слова целиком верно отметил Александр Пантелева, молодому токарю Комбинатского завода имени Куйбышева. Пантелева заметил, что на обработке уплотнительных колец часто приходится ператачивать резцы. На это уходит время. Токарь пошел в техническую часть и внес предложение твердосплавную пластинку марки ВК-6 заменить пластинкой «ВК-2», более устойчивой. Эту мысль одобрили: «Попробуйте! Сначала в качестве опытка». И вот опит удался. Пантелева стал перевыполнять норму в два — два с половиной раза. И это введённую новшеством ему удалось сберечь много дорогих рабочих секунд.

Счет на секунды ведет и другой участник пресельскохозяйственного соревнования, знающий машинист экскаватора Иван Неретин. Он трудится в Карагане, на открытых угольных разработках. Раньше на каждой смене погрузку угля в вагоны уходило 30—40 секунд. Неретин решил сократить это время, совмещая некоторые операции. Получили выигрыш в 13—15 секунд. Что же дали эти секунды в конечном счете? 230 тысяч тонн топлива сверх плана!

Высокие образцы трудового героизма проявляют в пресельскохозяйственные дни не только отдельные рабочие, но и целые бригады, участки, цеха. Сейчас читаются когда ты читаешь эти строки, 300 комсомольцев успешно пронесли в дальней сибирской тайге высоковольтную линию Иркутск — Братск. Они работают в условиях суровых морозов, в глухой тайге. Но ни морозы, ни ветлы, ни другие трудности не останавливают их. Они знают: 650 километров высоковольтной линии электрпередач надо сдать раньше намеченного срока!

Эти 500 героев — только одна батальон той армии, которая осуществляет великую программу сооружения мощных электростанций в нашей стране. Молодая гвардия строителей коммунизма идет на штурм природы и на Волге, и на Днестре, и на Оби, и на Ангаре.

— Прини, партия, наши трудовые подвиги и спасибо, — говорит комсомольца.

На синаках: вверху — сталевары Днепродзержинского металлургического завода комсомольцы Борис Таровин (слева) и Александр Федон. На их лицевом счету 1600 тонн сверхплановой стали. Внизу — в ворсореальном цехе отделочной фабрики Ореховского хлопчатобумажного комбината. Коллектив этой фабрики, успешно овладевая новой техникой, выпустил более 3 миллиона метров тканей сверх годового плана.

Б. АНДРИАНОВ

ПЕРЕД БОЛЬШИМ

Чтобы умело работать на таких сложных станках, надо хорошо знать технику, постоянно учиться.

Вечерний час, когда на Ураламше кончат свой трудовой день первая смена и приступает к работе вторая, небольшая группа молодежи из кузнечно-прессового цеха плотным кольцом окружила коренастого полого кузнеца Михаила Никаноровича Кускова. На лицах ребят выражение неподдельного интереса.

— Михаил Никанорович, о чем вы сегодня будете нам рассказывать? — нетерпеливо спрашивает Геннадий Кайгородов, круглолицый паренек с острыми, живыми глазами.

Знаменитый кузнец неторопливо достает из кармана очки, которые в его руках кажутся очень хрупкими, несомненно, внимательно, словно профессор на институтской кафедре, осматривает свою аудиторию и затем коротко объясняет:

— Недавно наша бригада разработала новую технологию отковки кромок для подъемных кранов. Раньше заготовку приходилось дважды нагревать в печи, пока изобразил из нее вот такой «вопросительный знак». — Михаил Никанорович кивнул головой в сторону готового стального кромка, лежащего возле парового молота. — А мы решили заканчивать всю работу сразу же после первого нагрева. Сейчас мы вам покажем, как это делается. Ну-ка, Петя!

Петр Журавлев, подручный Кускова, такой же коренастый и сильный, стремительно распахивает створку газовой нагревательной печи, откуда на мгновение вырываются зеленые и лиловые языки пламени.

Точным замком клешней Петр бросает на наковальню вырванный из огня кусок раскаленного, светящегося металла. Машинист парового молота надавливает на рычаг. Глухие, отрывистые удары следуют один за другим.

С наковальни брызжут яркие, веселые искры. Словно охревшая скорлупа, оседает под ударами окалина, наполняя нагретый воздух едким запахом.

Кузнец выклоняется над заготовкой, изменяет ее кривоизгибам и, ловко подхватив клещи,

Есть чему поучиться молодым рабочим кузнечно-прессового цеха у прославленного кузнеца Михаила Никаноровича Кускова (второй слева).

шамы, поворачивает то одной, то другой стороной.

С искренним восхищением, не отрывая глаз от светящегося слитка, следят молодые кузнецы и подручные за этой умелой работой. Хороша работа! Не случайно Кускова в цехе называют художником своего дела. Недаром возле его молота всегда останавливаются приезжающие на завод гости.

— Еще один удар — и готовый, внешне-красный кромок падает на брусок.

— Вот здорово! — восклицает подручный Геннадий Кайгородов. — Удивляюсь, как же у вас при такой сложной операции заготовка не успевают остыть!

Михаил Никанорович обращается к нему:

— Ты в вечернюю школу ходишь?
— Хожу.
— Физику изучаешь?
— Изучаю.

— В таком случае ты должен знать, что удар тоже греет. Только надо, чтобы удары были хорошие, без прохлады.

Получив Петр Журавлев с горостью и уважением смотрит на своего бригадара.

— Михаил Никанорович, а не получится у вас утка толще, чем положено по технологии? — интересуется комсорг цеха Александр Радаев.

— При внимательном отношении к делу утяжки не будет.

Вопросы сыплются один за другим. Отвечая на них, бригадир Кусков чертит мелом на железной крышке столка схемы, показывает свои приемы.

Секретов у него нет. Все, что Михаил Никанорович накопил за двадцать два года работы в цехе, он охотно передает молодому поповичу в школе передового опыта.

Рассказывают, будто в старину, до революции, знаменитые мастера кузнцы хранили а строгой тайне методы труда. Заночничо хвастались они друг перед другом своей хитрой синовой, умением в размаку ударить во леща — на наковальне бутылке и не разбить ее, закрыть молотом крышку карманых сесев, не повредить их. Но секретов мастерства не выдавали.

Теперь другое время. Сейчас таких «секретов» не существует.

***

Недавно комсомольцы завода проявили очень интересную инициативу. Они решили провести на Ураламше общественный смотр производственно-технического роста молодых рабочих. Все самые лучшие мастера завода-гиганта превратились в учителей. Каждый из них, конечно, понимает, какое это большое, почетное и ответственное дело. И разве не приятно сознавать тому же Михаилу Никаноровичу Кускову, что сегодня, после его урока, лучше, производительнее будут трудиться его питомцы!

А началось все с разговора на заседании нехового комсомольского бюро, когда обсуждали Обращение участников Всесоюзного совещания работников промышленности.

— Я считал, — сказала тогда комсорг цеха Александр Радаев, — что надо всецело ангажировать учебой. Ведь если вся молодежь цеха будет учиться, то и квалификация каждого рабочего повысится и производительность труда возрастет.

Да и озорники в цехе будут меньше, — добавил комсорг.

— Ну, а как ты привлечешь тех, кто не хочет учиться? — не выдержал член бюро терпению Юрий Завьялов. — Возьми, к примеру, Петра Журавлева или Тольку Лукина. Их и учителя уговаривали, и мы с ними немало поволакивали, а ничего путного не вышло.

Комсорг задумался. Действительно, сколько раз беседовал он и с тем и с другим! «Пока молодой — получать досрочно», — говорил, выискивая, открывено признался ему однажды подручный кузнеца Анатолий Лукин. В сущности, он хороший парень — футболист, веселый. А того не понимает Анатолий, что со своей семейкой — получать досрочно, — он скоро окажется на медали.

С А Журавлевым дело было еще труднее. Тот не футболом увлекался, а «белой головкой». Недавно в магазине лебеди устроил. Может до ладного дождаться.

«Обязательно надо убедить ребят начать учиться», — в который раз твердит про себя комсорг.

Вспомнилась ему еще история с подручным Геннадием Кайгородовым, сыном старого прославленного уральского кузнеца. Геннадий тоже не захотел учиться в школе. Не соблазнили его даже обещание отца подарить ему после окончания десятилетия мотоцикл. Больше того, Геннадий связался с каким-то хулиганом, бросил школу и решил убежать из дому.

Хорошо, что за него влезал сам Михаил Трофимович Алевцев, заместить парторга, очень уважаемый на заводе человек. Много энергии

ЭКЗАМЕНОМ

отдал им тому, чтобы поставить парня на правильные рельсы. Теперь Геннадий работает в кузнице подручным у своего отца. И как работает! В получку отец с сыном меньше трех тысяч домой не приносит. И, главное, в вечернюю школу поступил Геннадий, учиться на пятерки. Забыл всех своих «друзюков» с улицы.

Без учебы нельзя. Не правы те, кто рассчитывает только на практический опыт. Как правило, такие рабочие отстают от передовиков, не успевают переимать новые методы труда, не растут. Разряд у них не повышается, им редко поручают ответственные задания. И в душе у них постепенно накапливается обида, которую выношат во всем они сами...

Посоветовавшись на бюро, комсомольцы надумали организовать непременно в цехе постоянную техническую учебу. По их просьбе несколько раз поделились опытом знатные кузнецы Олейников и Кусков. Были созданы кружки по овладению профессией: инженер-завода рассказывали молодым рабочим о новейших технических достижениях, а рационализаторы и изобретатели — о придуманных ими новшествах.

Сразу же нашлось много желающих послушать опытных мастеров кузнечного дела. И даже те из ребят, кто упрямо отмахивался от десятилетий и техникума, стали посещать эти занятия. Одних привела сюда любовь к работе, других — простой материальный расчет: ведь от повышения квалификации растет и заработок...

Цеховая партийная организация горячо поддержала начин комсомольцев, помогла им советом, подсказала новые пути. Заместитель парторга, мастер цеха Михаил Трофимович Асеевич провел с молодыми кузнецами экскурсию по цехам механической обработки.

Раньше таких экскурсий не было, и лишь немногие из молодых производственников являлись посетителями себе, какой путь проходил отовсюду ими заготовка.

В механических цехах кузнецам довелось увидеть, сколько труда вкладывают в обработку каждой детали токари, фрезеровщики, слесари. У станков завязывались открытые ве-

сели, гостям из кузнечного цеха пришлось выслушать немало горьких слов.

— Грубо куете, — упрекали их токари. — Слишком большой допуск оставляете. Из-за вас эры расходуем и металл и время.

— Надо больше точности, красоты, — подкалывали фрезеровщики.

И это были не пустые слова. Каждое замечание тут же подтверждалось металлически срезаем реза, дождем серебряных опилок и синеватыми спиралями стружки.

После одной из таких экскурсий подручный Петр Журвалев попросил у своего бригадира разрешения поработать самостоятельно. И в конце смены Михаил Николаевич с удовлетворением заметил, что все заготовки Петр отковал с особенной точностью, аккуратно и чистой.

А Петр тогда твердо решил поступить учиться в вечернюю школу: ой понял, что многое в работе зависит от знаний, от шпары крутора.

...Из малого опыта рождалось большое. На Урале знают: стоит скатываемся с вершины горы небольшого камешку заделть при падении соседний — и вот уже грохочет, отдаваясь гулким эхом в ущелье, неудержимый поток.

Так случилось и с комсомольским начинком. Когда в комитете ВЛКСМ завода узнали о ценном начинании молодых кузнецов, этому делу сразу же придали большое значение. Дирекция, партком и комсомольский комитет завода совместно разработали план общественного контроля производственно-технического роста молодых рабочих. Закончился смотр в апреле 1956 года своего рода экзаменом, во время которого участникам будут присвоены новые, повышенные разряды.

Готовясь к этому большому экзамену, заводская молодежь усердно набирается знаний, настойчиво овладевает своими профессиями. На Урале чаще все больше становится рабочих с десятилетним образованием. Многие учатся в техникумах, в заочных и вечерних институтах, на курсах. Один из крупнейших заводов тяжелого машиностроения, «завод заводом», как по праву называют его, сейчас очень похож на огромную шумную школу.

В руках у молодых рабочих блокноты, тетради, учебники. После трудового дня все куда-то спешат: кто на уроки, кто в технический кабинет на лекцию по чтению чертежей, а кто во Дворец культуры на очередной просмотр технического кинофильма.

Все чаще встречается молодежь экскурсия на родинные предприятия города и области.

На заводском дворе вывешиваются технические плакаты, пропагандирующие передовые методы труда, высококлассных рабочих с чертежами каждого нового усовершенствования.

В цехах комсомольцы выпускают красиво оформленные листки «Знание — сила». Эти листки уже успели завоевать у молодежи большую популярность. Их с нетерпением ждут и прочитают от первой до последней строчки.

И вот сегодня по дороге в цех остановилась возле свежего листа группа юношей. Среди них наши знакомые из кузнечного цеха: ком-

Много лет жизни отдал родному заводу кузнец Василий Васильевич Шведов. Свой богатый опыт работы он охотно передает молодежи.

В техническом кабинете цеха больших узлов часто проводится занятие по чтению чертежей.

орг Александр Радаев, подручные Петр Журвалев, Геннадий Кайгородов, Анатолий Лукин.

— Знаете ли вы металлы? — спрашивает молодых рабочих новый листок. «Можно ли ковать «железные чугуны»? «Можно ли закалить чистое железо»? «Какие металлы обладают магнитными свойствами?».

Для Петра Журвалева, Геннадия Кайгородова и Александра Радаева, которые учатся в восьмом классе вечерней школы, эти вопросы, видимо, не представляют особой трудности. На каждый из них они отвечают безошибочно. Анатолий Лукин, некоторое время молча рассматривавший помещенные на листке чертежи, тоже присоединился к товарищам. Он прочитал вступ: «Обычно мы называем

— Ну что, надумал ты наконец поступить учиться? — спрашивает комсорг цеха Александр Радаев подручного кузнеца Анатолия Лукина. — Я решил в машиностроительный техникум поступить, — говорит Анатолий.

В добрый час!

Вновь друзей заводческих встречю,
Смех девчат, колоды снежков...
Дед Мороз в новогодний вечер
Еще праздничные зажег.

От смолстого аромата
Варту далеким детством пахнет...
А ведь наша дружба, ребята,
Стала старше на целый год!

Сердце радостней бьется, чаще...
— С Новым годом, мои друзья!
С наступающим новым счастьем,
Нашим счастьем, любовью мой!

Мы его от людей не прячем,
Но вперем в четырех стенах.
Нам иславет друзья удачи,
«В добрый час!» — говорит страна.

Будет поезд, во тьме летящий,
Паровозный дымок, гудок...
Нам вручает Отчизна счастье
Самых трудных, дальних дорог!

...Степь да степь, без конца, без края.
Далеко в степи — огоньки.
Обживаются на Алтае
Наши славные земляки.

С недостроенным домом рядом
Полевой вагончик стоит.
Новый год встречает бригада.
Свет мигает, движок стучит.

Потрудился они недаром:
Под сухим снежком до весны
Набирают силы гитары
Ими подытайт земляны.

Лед. Арктические шпроты.
Над палаткой советский флаг.
В меховых унтах к вертолету
Направляется наш экипаж.

В цехе — огненные зарницы,
Ковш спускается с вышкины,
Стальевор потные лица
Новый плавкой озарены.

Ветер снежные вихри крутит.
Но верста за верстой, вперед,
Связь метель пробивается грудью,
Врач к сторожке лесной идет...

Я хочу, чтоб и мы с тобой
Так же злого навстречу шли,
Чтоб к теплу уюта, к покою
Мы душой не приросли!

...Словно войнам в маскахалтае,
Ежи в белом снегу стоят.
Молодой боец с автоматом
В пограничный идет народ.

И такие ж, пятикопечные,
Как на шалках простых солдат,
Звезды Родины светом вечным
На высоком Кремле горят.

...Тихо брезжат лучи восхода,
Золотят облаков края.
С добрым утром Нового года,
Дорогие мои друзья!

г. Ленинград.

После работы молодежь цеха пришла в красный уголок посмотреть телевизионную передачу.

металлами сталь, чугун, бронзу, латунь, никром. Правильно ли это? — И улыбнулся:

— Навыный вопрос! Конечно, металл, а не дерево.
— А ты можешь чистый металл от сплава отличить? — вдруг спросил его Александр Радаев.

Анатолий растерялся: он явно не заметил «спловоха» в этом, казалось бы, простом вопросе.

— Ты в школе не учишься и потому элементов не знаешь, — с чувством некоторого превосходства проговорил Геннадий Кайгородов.

— Каких элементов?
— Тек слыхы, что в менделеевской таблице перечислены.

Желая, видимо, еще больше подчеркнуть глубину своих знаний, Геннадий добавил:
— Называется «Периодическая система элементов». Там все металлы обозначены. А ты кузнец — и металлов не знаешь!.

Анатолий на это откликнул:
— Но я уже твердо решил поступить в техникум. Кроме того, я ведь на технических курсах коммунистов...

Улыбавшийся нами разговор очень типичен для сегодняшнего Урала. Здесь так поставлено дело, что не учиться просто нельзя.

«Технический листок» почти готов. Как-же всегда, в нем много содержательных, интересных заметок.

О почине комсомольской организации Урала уже стало известно далеко за пределами завода. Его все чаще посещают экскурсанты: секретари заводских комсомольских организаций города и области, молодые производственники с родственных предприятий, комсомольские активисты. Все они с большим интересом расспрашивают, как удалось заинтересовать молодежь учебой, как планируются проведение общественного смотра.

Знакомись с новым починю молодежи, нетрудно заметить, однако, что заводской комитет комсомола и, в частности, комсорг ЦК ВЛКСМ на Уралаше тов. Сисни несколько увлеклись формально-показной стороной этого дела, бумажной шумихой и статистикой. Здесь выпустили, например, печатное «Положение об общественном смотре» и даже карманную книжечку-памятку. На стене в комитете комсомола висит огромный фанерный щит с наклеенными на нем вырезками из газет, в которых В. Сисни рассказывает о новом почине.

Тов. Сисниа очень беспокоит, если кто-нибудь из комсомольцев неточно формулирует задачи общественного смотра. А между тем не все вся молодежь завода вовлечена в него. Комсорг и члены комитета редко беседуют с комсомольцами, считая, что молодежь на заводе «чересчур много» и с каждым в отдельности не поговоришь. Видимо, именно для более «оперативного» руководства комсоргом тов. Сисни установил у себя в кабинете четыре телефона: два алвос еще два — у технического секретаря. По телефонным звонкам комсоргу кажется, что все обстоит как нельзя лучше.

Но если бы он чаще бывал в цехах и рабочих общежитиях, то узнал бы, что многим молодым рабочим еще не созданы условия для учебы. Им не хватает учебников, а в рабочих общежитиях по улице Культуры нет даже комнат для занятий.

Увеличился статистическим подсчетами лекций и кружковых занятий, технических кинофильмов и школ передового опыта, комитет ВЛКСМ и оргбюро смотра (секретарь тов. Бузников) упускают из виду главное — вопрос о том, как же конкретно техническая учеба помогает повысить производительность труда. А ведь ради этого и проводится общественный смотр!

С каждым днем новый почин охватывает все большее число молодых рабочих. Он стал достоянием многих заводов страны.

Это достойный подарок молодежи Уралаше приближающемуся XX съезду родной Коммунистической партии.

г. Свердловск,
Уральский завод.

неделный привет!

Л. КОРОБОВ

305 поздравлений

Да, бывают необыкновенные события. Случилось и в нашей квартире такое событие.

С утра все было спокойно, но после полудня через каждые пятнадцать — двадцать минут начинала дребезжать звонка, хлопала входная дверь, и в коридоре по-прежнему потягивалось. Он приносил телеграммы, и все в один адрес — нашей новой соседке по квартире.

Жильцов поражало: откуда ей столько поздравлений?

А когда мы накрыли новгородские столы, приехавшие буквально-таки издалека военные. Один за другим входили Герои Советского Союза, полковники, подполковники, капитаны. Все они спрашивали:

— А Мария Николаевна в какой комнате?

— Вот, прямо, — указывали мы. — Живет у нас в квартире Мария Николаевна Колотилкина. Женщина как женщина, хорошая мать, дочка есть у нее, Люся, комсомолец. Спорит Люся часто со своей бабушкой. Бабушка, конечно, по мнению Люси, отстаивая, а сама Люся передовой. Она все знает, за все следит, и от нее мы узнаем, что делается на свете. И, конечно, Люся знает полковников и Героев Советского Союза, которые входили в нашу квартиру и кратко спрашивали.

— Люся, куда это можно позвать?

— Люся деловито ведал гости на кухню и говорила:

— Товарищ полковник, пожалуйста, садитесь.

И вот новгородские ночь вступила в свои права, а вешние все еще входила в квартиру. Командир Марии Николаевны не мог их вместить, и тогда наша соседка накрыла стол прямо в коридоре. Это было необыкновенно. Гости произносили чудесные тосты:

— За тех, кто в эту минуту под облаками!

— За тех, кто сегодня вылетает в первый раз на реактивном самолете!

Жилые квартиры терпелись в дождях: почему к Марии Николаевне Колотилкиной пришло в новгородскую ночь столько военных летчиков? А я тем временем, разговаривая с Люсей на кухне, выведывала, что же вестяки произошло.

Оказалось, что мать Люси, в прошлом комсомолка автозавода имени Сталина, еще в начале тридцатых годов поступила в школу пилотов Центрального аэроклуба СССР имени Чкалова. По утрам, до начала работы на заводе, она садилась за двадцать километров от аэродрома учиться летать. В конце 1934 года с отличием окончила летную школу и получила звание пилота СССР. На следующий год, окончив школу инструкторов-летчиков, стала воздушным педагогом.

Начались спортивные полеты, полеты на парадах и в порядке общественной работы подготовка летчиков без отрыва от производства.

С 4 до 10 часов утра Мария Николаевна летала на самолетах аэроклуба, тренировала учеников, прививая им чувство свободного полета. И часто после тренировок, на разбор летного мастерства, строго критиковала своих учеников.

— Это же не трактор, — говорила она ученикам. — Это самолет. И научиться с ним обращаться на «ы». Лестнее вы себе на «ты».

Ученики оперялись, начинали жить своей, непередаваемой, стремительной летной жизнью.

Мария Колотилкина выполняла поставленную комсомолом задачу подготовки авиаторов.

Где только не носила крылья самолетов нашу соседку! Коротко об этом удалось узнать со слов Люси, потому что Мария Николаевна скромна и никогда не рассказывает о себе. После войны она открыла ковалевые сады, подкармливала посе-

вы, возила врачев к больным в отдаленные и самые пункты. Она мастер посадки на «ляточки».

И вот за новгородным столом у Марии Николаевны собралась 7 полковников, 9 подполковников, 6 майоров и добрый десяток капитанов. С радостью смотрю на гору подарков. Чего только тут нет: и духи, и хрусталь, и чашки! Кто-то даже прислава Ботвинки на меху.

Мария Николаевна пригласила к столу и нас, жильцов квартир. Мы, конечно, не отказались, как вы понимаете, от такой компании.

Мария Николаевна подняла бокал:

— За триста шестого моего пилота, Героя Советского Союза комсомольца Виктора Талаалкина, который после Нестерова первым таранил вражеский бомбардировщик! За светлую его память поднимем бокалы, мои дорогие ученики!

Завенела бокалы, а на глазах моей соседки навернулись слезы. Потом поднялся молодой полковник и, смущаясь, извиняющимся тоном сказал:

— За моего авиатора Марию Николаевну Колотилкину!

А мы и не знали, что в нашей квартире живет такая знаменитая женщина, известная Родине более 300 полетами, 42 из них стаей полковниками, 67 — подполковниками, 90 — майорами и капитанами, 17 ее питомцев удостоены звания Героя Советского Союза.

Вот почему в канун Нового года телефоном и радио принесли ей 305 поздравлений.

«Миллионерша»

Женщина, о которой я доложу была срочного написать очерк в газету, отдыхала в одном из санаториев Крыма. Она была знаменита тем, что наткала миллион метров материи и на собрании советских «миллионеров» поставила перед собой задачу — в ближайшем году выработать столько ткани, чтобы одеть миллион советских тружеников.

Я пришла в Московский аэропорт, купила билет и поднялась по алемининовой лестнице в просторный и светлый пассажирский самолет. В последние минуты перед вылетом к кабине пилотов подошла женщина. На ней был строгий макинтош, лакированные туфельки на высоких каблуках, которые называют «лодочками». По внешнему облику ее можно было принять за актрису.

— Вы летите впервые? — спросила меня сидевший рядом солидный мужчина. Изпод роговых его очков смотрели беспокойные глаза.

— Нет. Раньше тоже приходилось летать, — ответила я.

— А я впервые, — сказал он. — Вести-таки предпочитая самолету беспрестанный железнодорожный вагон.

— Это — дело вкуса и степени срочности поездки, — заметила я.

Сосед, перекачавший из карманов в портфель альбомчик, сказал:

— Говорят, альбомчики помогают от кауки и воздушных ям...

Из пилотской рубки вышел высокий мужчина в форме летчика Гражданского Воздушного Флота, очевидно, пилот.

— Вот такие солидные летчики, как он, — шепнула мой сосед, кинула на человека в форме Аэрофлота, — мне внушают доверие. А эта женщина в лакированных туфельках, которая вошла в пилотскую рубку, очевидно, его жена!

— По всей вероятности, — ответила я.

Самолет покотился по бетонной дорожке, оторвался от земли и начал набирать высоту. Я взглянула в пилотскую рубку и вдруг заметила, что за штурвалом сидела женщина. Ее руки в лакированных перчатках спокойно лежали на штурвале, на педальках ножного управления виднелись лакированные «лодочки».

— Ну, что там делается? — спросила меня сосед, когда я вернулась на свое место.

— Женщина, которую мы только что видели, ведет самолет. Она летчица, командир нашего воздушного корабля, — ответила я.

— Она ведет самолет? — почти заикаясь, проговорила мой сосед.

Я кинула головой.

— Что же мне об этом раньше не сказали, в аэропорте?

Русины И. Стрелова и
М. Алексеева

Он порывисто встал, пытаясь что-то предпринять, но я указала ему на высоту мер.

— Поздно: мы уже на высоте 850 метров.

— 850 метров! — ахнула сосед.

— А что вас так волнует? — спросил я. — Женщины водят поезда, трамваи, автомобили, и все это не превозит. Почему же вы сейчас так волнуетесь?

— Самолет — это другое дело, — процедила он, смотря с опаской на крыло, впереди которого в утренних лучах солнца собрался прозрачный круг пропеллера.

К вечеру мы долетели до места назначения. Встретили наш самолет на аэродроме не совсем обычно. Как только летчица вышла из пилотской рубки, начальник аэропорта преподнес ей цветы и зачитал приветственную телеграмму из Москвы.

Тут можно было бы сообщить в газету, что «в беседе с нашим корреспондентом Наталья Алексеевна Зайцева сообщила следующее.» Но официального интереса не состоялось. Я просто подошла к летчице и спросила: почему после этого, казалось бы, обычного полета ей преподнесли цветы?

— У меня сегодня большой день, — сказала она. — Я закончила бегать первого миллиона километров и начала второй миллион.

Эта вещь быстро облетела всех пассажиров. Мы вскакивали купили большой букет роз и преподнесли его «миллионерше».

Солнце уже село, когда наши машины остановились у ворот санатория, где, как я знала, должна была проводить свой отпуск знающая текстильщица. На мой вопрос старший врач с сожалением развел руками:

— Увы, ничем не могу помочь: она уже уехала.

Ночью я позвонила в редакцию и доложила о том, что «миллионерша»-текстильщица из санатория уехала, а вот белая менига сегодня на юг «миллионерша»-летчица.

— Неплохо бы написать и о ней, — сказал редактор.

И вот перед вами рожденный самой жизнью репортаж о встрече с Натальей Алексеевной Зайцевой.

«Актриса»

Минувшей осенью в Москве я встретила знакомую летчицу. Мы поехали с ней на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Еще в метро нам бросилось в глаза, что один молодой человек следит за нами. Он заходит справа и слева, пристально смотрит на мою спутницу. Молодой человек не оставлял нас в покое и на территории выставки. Мы останавливались, пропускали потоки людей, думая, что предстоящий проедет мимо, но он тоже останавливался. Мы зашли в кафе и тут же увидели этого парня за соседним столиком. Наконец он подошел к летчице и сказал:

— Просту вашего внимания на две минуты, вы об этом не пожалеете.

Летчица встала и отошла от столика. Когда они о чем-то заговорили, я заметила, как у моей приятельницы лицо стало краской.

— Поймите, у вас такое лицо, так же

как у артистки.

— Хорошо, — сказала она, — я буду сниматься в кино, но только тогда, когда мой самолет станет на капитальный ремонт.

— Из нее хорошая киноактриса выйдет, — сказал режиссер. — На лице виден весь добрый ее характер, вся ее биография...

глаза... — донеслась до меня фраза, брошенная молодым человеком, взявшим летчицу под руку.

Летчица пыталась освободить свою руку, а он не отпускал ее. Тогда я поднялась и подошла к ним, думая, что мой знакомая нуждается в защите. Но, как выяснилось, мой рыцарский порыв был излишним. Я потом пытался узнать, что за разговор произошел между ней и молодым человеком, однако летчица упорно молчала. Она отвечала одной фразой: «Это касается только меня».

Прошла неделя. В следующий выходной день мы снова поехали на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Опять ходили по павильонам, но нас больше уже никто не преследовал. Мы пришли в тот же кафе и сели за тот же столик.

— Знаете что: давайте съездим к тому человеку, — неожиданно предложила летчица.

И мы поехали.

Нас встретила тот самый парень, с которым мы так недружелюбно расстались в преддверье воскресенья в кафе на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Он приветливо улыбнулся и провел нас в комнату, на стене которой мы увидели большой, вроде телевизионного, экран.

Он закрыл шторы, комната погрузилась в темноту, гдo-то застрекотал киноаппарат. На экране появилась летчица, собирающая цветы, кушавшаяся, садящаяся в автомобиль, спускающаяся с горы на велосипед. Через несколько минут необычный сеанс окончился. Загорелся свет, и молодой человек, подойдя ко мне, сказал:

— Понимаете, она так подходит к героине моего кинофильма — и глаза, и жесты, и походка, и черты лица — все подходит, но... не хочет сниматься. Уговорите ее.

Я начала уговаривать свою приятельницу.

— Хорошо, — сказала она, — я буду сниматься в кино, но только тогда, когда мой самолет станет на капитальный ремонт.

— Из нее хорошая киноактриса выйдет, — сказал режиссер. — На лице виден весь добрый ее характер, вся ее биография...

— Вы, может быть, еще предложите мне вовсе оставить мою профессию? — преврала его летчица. — Лучшей профессии, чем моя, нет.

Потом, подумав, добавила:

— Хорошо, в одном фильме я согласна сниматься. Но постарайтесь сделать так, чтобы до встречи с ней не была свободна от артистической деятельности.

На том и порешали...

Р. ДАНЕЦКИЙ

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРИЗЫВ

Чтоб столько
угля
комбайны дали,
сколько намечено
нашим планом,
чтоб столько
мы выплавляли
стали,
сколько нужно
прокатным станам,
чтоб столько
машин
выпускали заводы,

сколько требуют
земли наши,
чтоб каждый дом наш
в ближайшие годы
стал
действительно
полной чашей,
чтоко
гордое сердце
бьется,
и размерено
дышит грудь...
Слава тому,
кто вопек не сдастся,

кого
усталостям не согнуть.
Где трудностей больше,
где нужно по две
и по три нормы
вместо одной,
где может выручить
только подвиг, —
там
комсомольский призыв стальной!
Перевод с польского
Н. СТАРШИНОВА.

Максимовский А. Красное море.

СЕВЕРНЫМ МОРСКИМ ПУТЕМ

С одорогася всем корпусом, «Лена» наступает на огромные льдины, то подминает, то раздвигает их. В ватниках, шапках-ушанках, темных очках стоим мы на мостике и с волнением следим за единоборством великопелной техники дизельэлектрохода со

льдами Арктики. «Лена» держит курс из Архангельска на Дальний Восток...

На «Лене» целая художественная студия. Восемь студентов с руководителем проходят здесь вдалеке от летней обстановки летнюю творческую практику. Так по-

велося в Московском художественном институте имени В. И. Сурикова: ежегодно молодые художники выезжают на этюды, зарисовки во все концы страны.

С моряками у нашего института давняя дружба. Мы побывали на Черном море, на Балтике, в Мурманске — и вот теперь Арктика...

...Первая стоянка — на Диксоне. Все мы бросились за этюды. Осыпи черно-зеленых камней, мхи, спокойная вода, отражающая берега, пласты снега. У кромки льда — гордый силуэт ледокола «Ермак».

— Ножики мольберта глубоко уходят в землю. Пишу, тороплюсь: неизвестно, сколько мы здесь простои́м. Ведь у «Лены» свой напряженный план: два рейса по Северному морскому пути в одну навигацию. Варуг слышу садящее-то сопенье. Огромные, свирепого вида собачки расположились совсем рядом, но мирно. Позже мы привыкли к «вазовым собачкам». Они оказались прекрасными «натурщиками». Петр Смолин и Эрик Булатов сделали с них немало живых набросков в свои альбомы.

Смолдин П. Корабли уходят в море.

Километрах в десяти от нашей вынужденной остановки у одного из архипелагов, на острове, виднелись мачта радиостанции и домик. Узнав по радио, что на судне сегодня будет показана новая кинокартина, зимовщики радиовали нам: «Выходим в гости». В бинокль уже можно было раз-

Смолин П.

На борту «Лены».

Дунаевский Е.

Ледовые разлоды.

глядеть медленно двигающиеся по льду черные точки.

Ко мне подошел один из студентов. «Я задумал написать встречу зимовщиков с моряками», — сказал он. Через несколько минут с таким же предложением пришел другой, потом третий. Что и говорить, интересная тема! Но, к сожалению, замыслы эти не осуществились: поднялась пурга, и зимовщики повернули обратно.

Жизнь на корабле полна впечатлений. Наши альбомы быстро заполнялись рисунками, возникали новые темы, композиции. Не все из задуманного, конечно, появилось на холсте. Однако каждый из практикантов находил свою тему.

Василий Порозов стал собирать материал для композиции «Ледовый якорь». Чтобы вырваться из льдов, в помощь машине, работающей на самый полный ход, с корабля заносится ледовый якорь — огромный якорь. Обычно он крепится за большую льдину, и лебедка тянет идущий от него трос. Иногда это помогает сдвинуть судно с места. Иногда же, чему мы были свидетелями, толстый стальной трос рвется, как нитка. Один из таких эпизодов и запечатлел молодой художник.

Тема Алексея Шмаринова — «Бездушная разведка». К нам часто прилетали самолеты-разведчики. Они сбрасывали на судно вымпел — водонепроницаемую трубку красного цвета, в которой находится карта льдов, вычерченная гидрологом, с указанием рекомендуемого курса.

Композицию эту Шмаринов написал, но сам едва не попал в большую неприятность. Сбросить на палубу вымпел не так-то просто. Был, правда, случай, когда вымпел снайперски угодил на мостик,

чуть ли не в руки капитану. Но большей частью он оказывался на льдине или в воде. И вот однажды рано утром (мы еще спали) на шум самолета-разведчика выбежал Шмаринов. Вымпел упал в воду. Леша с багром в руках быстрее всех ринулся к борту. Неожиданно доска под ним повернулась, и он перевернулся турловающим вниз. Каким-то чудом

Смолин П. Старший матрос Ульянов.

Алексей сумел откинуться назад, на палубу. Самое любопытное, что багор, который тянул его своим весом вниз, Алексей так и не выпустил из рук. А вымпел уплыл... Пришлось летчику сбрасывать другой.

Тема Петра Смолина — «Авария на судне по пожарной тревоге» — потребовала многих этюдов и за-

Смолин П.

Аврал на судне по пожарной тревоге.

рисовок. На оригинально задуманном узком длинном холсте много людей. Все в напряжении, динамика.

Эрик Булатов написал портрет рулевого Панова и сделал множество рисунков. Студент близко сдружился с экипажем корабля. Страстный шахматист, он упорно

сражался в судовом турнире. Но приз все-таки не сумел завоевать. В боях на клетчатой доске моряки не уступили студентам.

Насмотря на трудности раннего плавания во льдах, на вынужденные стоянки в непроходимых полях, мы упорно продвигались все дальше и дальше на восток.

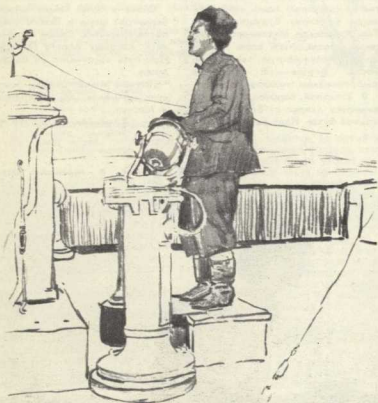

Черников Д.

Разгрузка на рейде.

Шаринов А.

В бухте Провидения.

Булатов Э. За штурвалом.

Агапов И.

В чукотском рыболовецком колхозе.

Крутой поворот на юг у мыса Дежнева, Берингов пролив, чистая вода, большое скопление китов, отмечающих свой путь фонтанами, туман, причудливо окутывающий Барегу Чукотки, — вот наши первые впечатления от Западного полушария. Время здесь разнится с московским на десять часов. Непривычно было слышать полноч-

грузка. На «Лена» объявлен аврал. Морская зыбь то подбрасывает баржи почти до уровня палубы корабля, то бросает вниз, в водные пролиски. Но Диму Черныева качка не испугала. Он

Булатов З. Девочки.

Смолин П. Верные друзья.

В Восточно-Сибирском море мы повстречали караван дальневосточных судов. Капитан одного из пароходов Федор Ветров оказался братом нашего капитана Александра Ивановича Ветрова. Не виделись они больше года. «Лена»

шла полным ходом в разреженных льдах, времени терять нельзя. Салют гудками и флагами, краткие возгласы приветствия двух братьев-капитанов, и снова бескрайние пустынные просторы Севера.

ный бой кремлевских курантов в разгар рабочего дня.

Бухта Провиденсия. Поразительна ее суровая красота! Хаос гор вулканического происхождения, каменные осыпи крутых скал, мхи, пятна не растаивающего снега.

Смолин, Шмаринов и Порозов пишут скалы. Эрик Булатов разрыскал семью эскимосов. Не успели еще ребята прийти в себя от первой разминки на суше, посетил парикмахера, лишившего многих арктической бороды, как Эрик уже принес свои наброски. Остальные последовали его примеру.

Надо сказать, что натурщики оказались на высоте. Они могли часами сидеть неподвижно. Многие из сделанных здесь зарисовок легли в основу будущих работ. Так, Александр Максимовский написал впоследствии свою композицию, посвященную зверобоям, Игорь Агапов — в чукотском рыболовецком колхозе.

В Угольной паромходы останавливаются далеко от берега, в открытой бухте. Идет рейдовая раз-

упорно делал зарисовки на пляшущих Баранга-чунгасах.

В Угольной «Лена» стояла четвере дня; надо было успеть посмотреть еще птичий базар. И вот моторка мчит нас вокруг причудливых отвесных скал. На солнечной стороне их мириады птиц. Кайры, чайки, альбатросы. От носа катера вправо удирают стии птенцов-кайр; они еще не умеют летать.

Преодолев ледяную полосу припая, выбираемся на берег. Здесь можно сделать интересные фотографии. Птицы не боятся людей; приходится спонять их с места, чтобы взять на память зеленое с черными крапинками яйцо.

Снова в путь. После штормов Берингова моря и Тихого океана, после Камчатки, Сахалина показались наконец берега Приморья. Наш путь закончился во Владивостоке.

Полные впечатления и творческих замыслов, мы возвратились в Москву.

Художник И. ЛЕГЗЕРОВ

Смолин П.

Южный Сахалин. В корейском поселке.

НЕТЕРОИЧЕСКАЯ ПРОФЕ

Еще в детстве Коля Максименко мечтал о море. Он видел себя на грозном боевом корабле — на линкоре, крейсере или на подводной лодке — и обязательно командиром или торпедистом.

Шли годы. Шустрый черноморский паренек комсомолец Коля Максименко стал слесарем, затем наступило время идти в армию. Стало так, что мечта Николая осуществилась: его направили в флот. Со старшим по имени Николай прибыл в Севастополь. В бухте, залитой солнцем, он увидел стройные, красивые военные корабли. По зеленой зеркальной глади с гулом проносились быстрые катера.

Но на корабль он не попал. Его послали в учебные мастерские. Пришлось стать за тиски и выполнять срочные заказы для кораблей. Работал он старательно, но в душе надеялся, что скоро его вышлют и скажут: «Теперь ваш место — у торпедных аппаратов». И вдруг он узнал, что его переводят... на камбуз и будут учить на кока — корабельного повара.

Невесело было на душе у Максименко, когда он впервые пришел на камбуз. У дверей Николая встретил усталый мичман — инструктор — и сразу же стал показывать хозяйство: плиту, кастрюли, противни, сковородки. Закончил он первую беседу словами:

— Будем учиться готовить вкусно, сытно, красиво.

Максименко промолчал: бодрый тон мичмана не вызвал у него энтузиазма.

— Не везите головы, Максименко, — ласково сказал мичман. — Пост вам доверен ответственно. Вы, наверное, слышали про адмирала Макарова? Корабли строил, высокие вулканы занимался, а в то же время инструкции для пароваров писал. Запомните, что камбуз — ваш боевой пост.

Начавшись дни учебы у плиты. Мичман был отличным поваром и к приготовлению пищи относился с большой любовью и выдумкой.

Старый кок-инструктор сумел сделать из Максименко прекрасного повара-кулинара. Николай перешел работать в базовую столовую, где платили, а загляды подводных лодок. Однако мысль побывать в походе не покидала Максименко. Старший начальник учел желание кока. Когда одна из подводных лодок отправлялась в большой поход, Николай включился в состав экипажа.

В дни плавания новый кок старелся изо всех сил. В стентгазете, выпущенной под водой, Николаю Максименко были посвящены стихи:

Черномор, плещет, высок,
Вряд хайды и сиуны,
Служит вместе с нами юн —
Золотые руки.

— Корнит очень хорошо,
Молодец, товарищ!
Сразу видно, что с душой
Силы и внашу варить.

После похода Максименко был награжден наградами знаком «Отличный повар» и назначен инструктором в базовую столовую. Теперь коки подводных лодок проходили у него практику. И если случалось, что кто-нибудь из учеников неважительно отзывался о поварской специальности, Николай, невольно подражая интонациям своего бывшего учителя, говорил: «Любить надо свое дело. Пост у нас очень ответственный».

Но в глубине души он все еще завидовал командирам и торпедистам.

Одна из подводных лодок готовилась к учебно-боевому походу. Командир ее вышел на камбуз и сказал:

— Не желая бы вы, товарищ Максименко, пойти с нами в море?

— Еще как! — ответил кок. — Только об этом и мечтаю...

На другой день Николай отправился к месту новой службы. Спускаясь по каменной лестнице к пирсу, он с удовольствием вдыхал запах моря. Открыл «свою» подводную лодку, Максименко прошел по транцу и поздоровался с вахтенным.

— А, бог кулинария прибыл! Можно и с якоря сниматься, — пошутил тот.

И вот настал день, когда с таким нетерпением ждал Николай — лодка ушла в море. По установившимся традициям, моряков пришли проводить товарищи. С платубы Максименко смотрел на отдаленный город, на бухту. Ощущение изволнованности и торжественности не покидало его.

Когда подводная лодка вышла из бухты, Николай спустился вниз и прошел к себе на камбуз. Нужно было привыкаться за привычные дела.

— Корабль давно уже шел в подводном положении. По учебно-боевой задаче лодка должна была выполнять ответственное задание. Хотя Максименко не слишком хорошо разбирался в условиях подводного плавания, он чувствовал, что поход был необычным. День проходил за днем, а лодка все шла под водой, не поднимаясь на поверхность.

Дружеский шарик Е. Гурова.

Кажется, на пятый день плавания Николай, стоявший у плиты, вдруг почувствовал, что лодка будто уходит из-под ног. Словня поднялся через край кастрюли и сердито зашипела на расклеванной плите. В кубрике запахло гарью. «И так воздуха мало, а тут еще смраду напущу!» — забеспокоился кок. Крен усилился. Николай, обжигая руки, едва успел подхватить кастрюлю. В этот момент борт борта раздался рыком, затем другой, третий. Корпус лодки вздрагивал, на полках звенела посуда. От сотрясения с грохотом упала сковорода. Потом крен уменьшился, однако ухащие глубинных бомб еще долго продолжалось. «Как же могло случиться, что эротичность не обнаружится», — недоумевал Николай. — Допустили какую-то ошибку».

Вскоре на камбуз заглянул боцман Николай Лавренко. Он был чем-то расстроен.

— Нет ли чего-нибудь кисельного? — спросил он у кока.

Николай быстро налил стакан морсу и протянул боцману.

— Что там случилось? Чуть всю солянку на плиту не вылил.

— А у ле, солянку! — махнул рукой Лавренко. — «Противнику» себя покусали. Матрос Сафронов таму, подчиненный мой. Случись такое во время войны, плохо бы нам пришлось.

И боцман коротко рассказал о том, что произошло. После долгого плавания в подводном положении вахтенный, лейтенант Гулин, решил проверить под перископ и осмотреть горизонт. Стоявший у горизонтальных рулей Иван Сафронов на какой-то миг зазевался, и лодка проскочила заданную глубину. Катера дозора «протичники» успели обнаружить подводную лодку. Они-то и забросали лодку «глубинными бомбами». С трудом удалось оторваться от преследования.

Плавание под водой продолжалось. Проходило оно в тяжелых условиях, в обстановке, предельно напоминающей боевую. Командир днем за днем все усложнял учебные боевые задачи. Вдруг газ свет. Лодка погружалась в темноту. Электрики выключали аварийное освещение, быстро находили и устранили повреждение. Тренируя под руководством мичмана Александра Ильина мастерами заделывали «прорывки», устранили угрозу потопления корабля.

Николай Максименко видел, как хорошо работали приборы и механизмы. Им управляли умные, старательные, знающие свое дело подводники. Это сильные духом, мужественные и смелые люди, способные преодолеть все трудности подводно-боевой жизни, готовые в любой момент принести жертвенно свои жизни, чтобы защитить свою любимую Отчизну от врагов. Но людям было нелегко в этом плавании, и кок делал все, чтобы хоть как-нибудь смягчить тяжелый труд своих товарищей.

За обедом он старательно стряпнул матросов, нравился им или нет или иное блюдо, тревожился, если кто-нибудь ел без аппетита.

Сам он очень устал, но стойко несе бессменную вахту. В сложной обстановке длительного подводного плавания Николай готовил не только борщи, солонки, котлеты, пловы, но даже угощал моряков печеньем и бисквитами. Ему хотелось сделать людям приятное, и не раз он поражал подводников своей изобретательностью.

Однажды, когда уже подошла к концу, Максименко, как всегда, в белоснежном халате и колпаке, торжественно появился с блюдом, прикрытым салфеткой. Поставив блюдо на стол, он криво улыбнулся в сторону матросов. Сын с блюда салфетку, командир воскликнул:

— Вот это да! Вот это удивил!

На столе красовался торг, сделанный в форме подводной лодки с рубкой и перископом. Все было как на настоящей лодке, даже бортовой номер и флаг на корме.

«После многих дней трудного подводного плавания, успешно выполнив учебно-боевые задания, корабль возвращался в родной город».

На базе во время медицинского осмотра Николай Максименко с удовлетворением узнал, что все участники похода приобрели в нем. Но сам Николай похулил на небольшие килограммы. Сказав в это и еще один член экипажа — командир корабля.

— Выходит, что мы с вами, товарищ Максименко, больше всех трудились да о долгах заболитесь, — шути заметил командир. Как даже покраснел от лова и смеха командир.

А спустя некоторое время на флот пришла радостная весть. Президиум Верховного Совета СССР награждал орденами и медалями многих участников похода. Из числа радостных Николай Максименко был избран старшим членом экипажа, удостоенного ордена Красной Звезды.

Вручая награду, командующий Черноморским флотом крепко пожал руку Максименко и сказал:

— Вы настоящий герой. Отлично знаете свое дело... И о лодках хорошо заболитесь.

Слушая адмирала, комсомолец Николай Максименко по-новому посмотрел на свою скромную специальность. В этот день он с особым уважением вспоминал старшего командира, который научил его любить труд повара, и понял, что на любом посту можно приносить пользу своей Отчизне, если только любить и знать свое дело.

Иван ЖИГАЛОВ

Борт подводной лодки «И».

Халлдор ЛАКСНЕСС,
лауреат Международной премии мира
и Нобелевской премии

ДЕТСТВО ПОЭТА

Мальчик стоял на берегу залива, неподалеку от усадьбы, и смотрел на море. Похоже было, что он отлынивал от работы. Мальчик жил здесь за счет прихода, всем чужой, и в душе носил свой особый мир. Он давно уже познал одиночество и все чаще тосковал по ласке, теплу.

Этот узкий залив, где лагали волны набегают на песок, увеселенный синими ракушками, где горы возвышаются на одной стороне, а зеленый мыс врзается в море на другой, был его другом. Именовался он Льбсанвик.

Науками этот мальчик действительно так одинок и никто не был ласков с ним, кроме этого залива! Да, никто. Правда, никто не питал к нему и особой вражды, опасаясь за свою жизнь ему еще не приходилось. Но с этим он столпится позже. Его, конечно, дразили, но так, ради забавы. Да вот беда: привыкнуть к безразлично и насмешкам нелегко. Били мальчика только для его же блага, во имя справедливости.

Ко многому, благодарения богу, научился он относиться равнодушно. Когда Наски, владевец овец и рыбачьей лодки, однажды швырнула миску с едой в хозяйку усадьбы Камариллу, свою мать, это не возмозвало мальчика. Но когда младший сын хозяйки, Юст, тоже имевший собственныя овец и лодку, для забавы попробовал тануть его за уши — так занятию было увидеть, долго ли парнишка выдержит, — к этому мальчик не мог уже относиться спокойно. К сожалению, конечно.

Весной сыновья хозяйки рыли ямы в долине у берега реки и ловили там форель. Однажды, когда мальчик, занятый своими мыслями, бродил вдоль берега, один из них бросил в него живую рыбу и крикнул: «Сурсаэт!» Мальчик страшно испугался — им же была потеха. А как-то вечером братья поставили под его кроватью ведро, в котором плескалась форель. Мальчуган подумал, что туда забрался сам черт. Смертельно на-

Рисунок В. Бордзиловского.

К читателям «СМЕНИ»

Это первая глава моего четырехтомного романа «Свет мира», рассказывающего о судьбе поэта. Действие романа происходит в глухой фиорде на западе Исландии. Поэт — бедный молодой человек. Его жизнь протекает среди людей, которым чужда красота и непонятна культура. Следяя зову своего сердца воспевать прекрасное, поэт создает стихи в духе традиций сказителей как. Он не надеется, что его поэзия получит когда-нибудь признание, но не унывает и не советует.

Униженный, усмешенный человек из позабытого богами фиорда стал героем моего романа «Свет мира». В основу произведения легли реальные факты, почерпнутые из дневника поэта, жившего в одной из исландских провинций с 1888 по 1916 год. Ра-

ботал я над романом с 1935 по 1940 год. Второй том его был написан в Москве зимой 1937—1938 года.

В первой главе читатель видит поэта еще мальчиком, живущим в мир неожиданным и несладкими жестами. Он сирота. У него нет ни отца, ни матери, ни родственников, ни друзей, никого, кто бы заботился о нем или любил его.

Пользуясь предоставленной мне возможностью выступить на страницах «Смени», я приветствую всех читателей этого журнала — юных и пожилых.

Я очень рад, что первая глава из моей книги о неизвестном исландском поэте будет опубликована в журнале для молодежи. Желаю советским юношам и девушкам красоту человеческой жизни, о которой до последнего вздоха мечтал мой поэт, но которому никогда не удалось ее увидеть.

Hallgrímur Laxness

пуганный, он хотел найти защиту у хозяйки. Как раз в это время братья опять закричали: «Фореель выпрыгнет и укусит тебя!». «Они ведь шутят», — сказала вдова Каритас, мать двенадцати Кристины. Но мальчик растерялся. Окружком он забыл привести с выгона лошадей, наверно, из-за того, что размышлял о боге или засмотрелся на птичек, прыгающих по песку. Стоит ли говорить, что ему влетело за это! Пока хозяйка доставала хворостинки кн-под подушкой, вдова Каритас не преминула заметить: «Подолом этому шлопаю». А девушка Яна добавила: «Он всегда увлечен работой». Били его обычно не очень сильно, столько, сколько бог велел. Бог ведь наказывает всех людей!»

После азбуки он натанул штаны, смахнул слезы и горько ахнул, а хозяйка спустилась вниз готовить ужин. Вдова Каритас погладила его по щеке и заметила: «Бог не до тебя, бедняга. У него и без того полно забот». А девушка Яна запустила руку за пазуху и вытаскала оттуда теплый, почти растаявший кусочек леденца, который она утром ставила в колодезь. «Бог не до тебя, бедняга и не воздушный болат об этом, а то поколочу тебя», — сказала Яна.

Видя, что мальчика наказывают, женщины жалели его, становились ласковыми и добрыми. Но, случись что-нибудь поблизости, они и не поудали бы утешить его.

Маггина, дочь хозяйки, взялась учить мальчика читать по обретенному букварю. Она тыкала спицей в буквы и следила, чтобы он pronunciровал их правильно. Если он три раза подряд называл букву неправильно, она давала ему пощечину — так, между прочим, не очень сильною. Мальчик не обращал на это внимания. Маггина была толстая, огромная, с длинными кудрями. Она не потешалась над мальчиком, не наговаривала на него, никогда не вымещала на нем своего дурного настроения и не ругала зря. Но и не приходила к нему на помощь, когда другие кричали или били его без всякого повода. Случалось, по рассеянности она была и добра к нему.

В обед здале корни соленой рыбой, в ужин — кислым молоком с кусочком лепкого. В редких случаях давали что-нибудь другое.

Дни стояли очень длинные, серые. Маггина оставалась одна с мальчиком на чердаке. Жизнь казалась бесконечной и беспросветной. Маггина спускалась в кладовую доставать студень из телятины, кусочек копченой грудки. Мальчик терпеливо смотрел в букварь, но рот у него наполнялся слюной. Если слюна капала на книгу, Маггина звачивала ему пощечину. Конечно, она давала ему кусочек грудки — не потому, что жалела его, а так, между прочим. Тогда на короткий миг он чувствовал блаженство во рту, в горле, во всем теле.

С восьми лет мальчик начал читать саги, рассказы епископа Петра, евангелие Луки. Он проливал слезы над этими книгами, сочувствуя несчастному и беспомощному Христу. Зато книгу псалмов мальчик не признавал. Он мечтал прочесть все книги в кладовке, за исключением молитвенника. Но дома была лишь одна — рассказы об острове Фельсенбурга, доставшаяся дочке Маггины по наследству от отца. Читать их Маггина никому не разрешала. В книге этой скрывалось много тайн. Мальчик стал жалостливо прочесть ее. А хозяйская дочь говорила: «Если ты еще раз обмолвишься о моей книге, я отколючу тебя».

Мальчик рано понял, что в книгах, особенно в рассказе об острове Фельсенбурга, можно найти загадку так неизъяснимым чувствам, которые он давно испытывал, но для которых не мог найти названия.

Однажды Маггина показала ему, как нужно писать, — показала всего один-единственный раз. Она потратила много времени, чтобы вывести каждую букву. А ведь ей всегда было некогда! Де и бумагу где взять? Если она и есть, то нельзя же тратить ее попусту. Мальчик стал тайком выводить палочкой буквы на песок или на снег. Вскоре ему и это запретили. Хозяйка сказала, что он так, пожалуй, продаст свою душу черту.

Хозяйка ненавидела книгу. Заметьте, что мальчика не на шутку одолевала страсть пи-

сать буквы, она, чтобы запугать его, рассказывала ему поучительную историю о Гудмундуре Гримссоне. Страшную историю:

«Гудмундур Гримссон, стараясь походить на знатных людей, то сокращал свое имя, то удлинял его. Этот ужасный человек, Гудмундур Гримссон Грунакингур, был бездельником по-тому. Он не женился в молодости, но прижил тридцать детей; он ненавидел людей, но писал книги о них. Гудмундур Гримссон написал много книг о невинных людях, которые ничего плохого ему не сделали. Ни один человек не хотел иметь с ним дела, только дурные женщины окружали его на старости лет. В старости людям воздается по заслугам — так бывает со всеми, кто думает только о книгах. Да, я хорошо знала его в свое время. Он всегда корпел над книгами. Никогда не хотел трудиться, чтобы заработать себе и своим близким на пропитание. Он был истинным негодяем. Сейчас он живет один, в жалкой хижине по другую сторону горы, у другого Фиорда. Бог наказал его: у него пропеклись уши, он сидит одинокий, а кожаной куртке, и капли без конца падают на его голый череп, без конца. Он поминает то, что посеял в молодости. За то, что он не хотел работать ни на себя, ни на других, за то, что сидел над книгами, — одна за другой падают на него капли и стекают по шее. Бог наказал его. Но его ожесточенное сердце не знает смирения. Он продолжает писать при свете маленького огарка и уже написал сто книг, двести книг. Хорошо известно, что ждет его после смерти! Богу не угодно, чтобы человек писал о людях, — только богу заврены людские судьбы. Ведь

Бог нам написал библию, там сказано ясно, что должно быть сказано. Каждого, кто интересуется другими книгами, ждет одинокая, безрадостная старость в какой-нибудь лачуге, освещенной тусклым светом свечи. Черты и привидения будут терзать над ним».

Эта история сказала на мальчика обратное действие. Гамистанна, пугающая, она привлекла, а не оттолкнула его. Теперь фантазия мальчика развилась еще больше: все его помыслы обратились к книгам. Да, конечно теперь, когда он услышал о том, как был наказан одинокий мудрец, написавший много книг. Теперь мальчика чуть стало обуравать неудержимое желание самому написать сто

книг, нет, двести книг — толстых, как молитвенник, как библия, — и рассказывал в них про все, что он видел и слышал.

Мальчишка звали Олафур Карасон — Оули, или Лаффи. Вот он стоит у залива, рядом по песку прыгают птвички. Когда набегает волны, птвички взлетают, чтобы их не захлестнуло водой и морской ил не пристал к нежным лапам.

Мальчик всегда ходил в обносках детей ханж, огромных парней. Брюки у него сзади свисали, и каждую штанину он поддергивал, по крайней мере, десять раз. Рукава вязаной кофты были непомерно длинные, и ему беспрестанно приходилось подгибать их. На голове у Олафура красовалась старая зеленая фетровая шляпа, которую в жареное время — до того, как ее прогрызла криса, — носили только в праздники. Шляпа закрывала уши мальчика, поля ее были шире поля. Мальчик решил удлиннить свое название, прибавив к Олафур Карасонингур — Карасон из Лосвакиа. Разговаривая с самим собой, он называл себя этим именем: «Вот стоишь ты здесь, Олафур Карасон Лосваингур».

Да он часто стоял здесь, у залива. Как-то хозяйка копалась в вазике со старьем, и мальчик, стоявший рядом, увидел среди груды всякого хлама потертую книжку. «Можно мне взять ее?» — спросил Олафур Карасон. «Нет, это даренье» — ответила Камарилла. Мальчик незаметно стянул книжку. Он спрятал ее на грудь, под куртку, у самого сердца. Олафур пытался прочесть книгу тайком, но оказалось, что написана она старым шрифтом; заглянув лист, потерялся. Каждый раз, когда ему мерещилось, что он начинает постигать смысл книги, кто-то мешал ему. Несколько раз его чужие не поймай. Что это была за книга? Он прятал ее у самого сердца и не знал, что написано в ней. Мальчик твердо решил хранить книгу до тех пор, пока не станет взрослым. Но со временем из книги стали выпадать странички — одна за другой; читать стало все труднее. Листы книги, постоянно прижатые к телу, записались, словно их окупили в жир. Часто мальчик чувствовал зуд на теле — там, где спрятана книга, — но он не обращал на это внимания. Книга, которую он не мог прочесть, стала необычайной тайной. Она была его утешением, хотя он и не знал, что в ней сказано. Мальчик верил, что это хорошая книга. Как чудно владеть тайной, когда ты одинок и тебе чего-то недостает! Можно думать о ней днем и видеть ее по ночам во сне.

Но в первый же летний день тайна его раскрывалась. Хозяйка Камарилла пригласила ему снять зимнюю одежду. Это случилось среди бела дня на чердаке; его застали врасплох. Медленно, с бьющимся сердцем он снимал одну вещь за другой, наконец дошла очередь до рубашки. Пришлось и ее снять. Большие книги не спрячешь. Она упала на пол.

«Ну, это уж слишком!» — закричала хозяйка. — «Боже милостивый, что за чертовщину этот мальчишка держит у себя на теле! Поди сюда. Магинна, погони этих кошек!»

Мальчик стоял перед ними голый, трясся от ужаса. Они внимательно рассматривали книгу.

«Что тебе дал эту книгу?» — спросила хозяйка. «Я... нашел ее», — пролепетал мальчик. «Да, так и я поверила, что у тебя есть Магинна, немедленно отнеси эту чертовщину в кухню и брось в огонь».

Мальчик заплакал. Это было его первое настоящее горе, которое записилось на сердце. С тех пор, как в серый зимний день его привели сюда, на усадьбу, ему не приходилось еще так горько плакать. Наверное, он никогда бы не понял того, что написано в книге. Да и зачем ему знать? Важно, что книга была его тайной, мечтой. Самыми горькими словами мальчик плачет, когда его кароэль к ним несправедливо. Это самые горькие слезы на свете.

Вот как поступили с мальчишкой. Книгу отняли и сожгли. Он стоял голый, без книги, в первый летний день...

Перевела с испанского
В. МОРОЗОВА.

Наш Вильгельм Пик

Фриц ЭРПЕНБЕК,
немецкий писатель

3 января 1956 года исполняется 80 лет со дня рождения президента Германской Демократической Республики Вильгельма Пика. Сын рабочего, Вильгельм Пик сам был долгое время столяром. И сегодня, когда мы встречаем его на государственных приемах, одетого в черный фрак, с орденами и почетными знаками, уверенно владеющего формами дипломатического обращения, нас не покидает мысль, что он был и остается рабочим и что он в своем лице представляет наше рабочее-крестьянское государство.

В молодости со столярным инструментом в руках Вильгельм Пик обошел всю Германию. Своими глазами он видел социальную несправедливость, страдания народа. В 1894 году Пик вступил в «Немецкий союз деревообделочников». Он всей душой отдался делу организации и

ность он мог полатиться жизнью. Боевые друзья тех дней и сегодня с восхищением рассказывают о мужестве Вильгельма Пика. Глубокие знания — вот без чего нельзя звать доверие народа; товарищ Пик обладал ими в высокой степени. Он один из самых прилежных людей, которых я когда-либо знал.

Учиться, учиться, чтобы знать, — это основная черта характера Вильгельма Пика. «Человек никогда не перестает учиться, как бы стар он ни был», — говорит восьмидесятилетний президент. Он сурово осуждает людей, считающих себя «готовыми марксистами» и не желающих совершенствовать свои знания.

Искренность — это третья черта характера, без которой нельзя заслужить доверия и доверия. Искренность Вильгельма Пика чувствуется

Вильгельм Пик среди участников Берлинского фестиваля молодежи и студентов.

сплочения рабочих. В то время активист профсоюза называли доверенными. Вильгельм Пик в течение всей своей жизни пользуется доверием народа. Он не раз прозван героизм, упорство, несгибаемую силу воли. Много мужества требовала борьба против оппортунистического руководства социал-демократической партии Германии, предавшего интересы рабочих и крестьян. Товарищ Пик сражался тогда плечом к плечу вместе с Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Кларой Цеткин, Францем Мерингом.

В январе 1919 года вместе с Люксембург и Либкнехтом он был схвачен контрреволюционной бандой. Только благодаря исключительному самообладанию Пик ухитрился обмануть врагов и избежать распыления. Он снова оказался в центре борьбы, которую смело вел Коммунистическая партия Германии. С самого начала ее существования (декабрь 1918 года) Вильгельм Пик был бесценным членом ее Центрального Комитета.

В условиях нацистского режима он вновь и вновь проявлял свое мужество. Замена в партийном руководстве заключенного в тюрьму Эрнста Тельмана, он организовывал одно тайное совещание за другим, чтобы наладить разорванные связи между организациями, сплотить воедино партийные группы.

За каждый неверный шаг, каждую олош-

каждый, кто встречается с ним. Наш президент охотно беседует не только с государственными деятелями, политиками, депутатами, он с огромным вниманием слушает и рабочего, и крестьянина, и врача, и пенсионера.

Он любит бывать на предприятиях, в учреждениях, сельскохозяйственных производственных кооперативах, институтах. Он задает неожиданные и подчас не совсем приятные вопросы, но зато узнает самую суть дела. И каждый честный человек видит в президенте своего искреннего друга, который думает и работает вместе со всеми.

Можно было бы еще много рассказывать о замечательных, достойных любви и подражания чертах характера Вильгельма Пика: о его неисчерпаемом юморе, удивительной работоспособности, скромности, большой любви к искусству. Но я думаю, что все сказано одной фразой: «Вильгельм Пик — доверенный народа».

«Доверенный народа» — можно ли дать более прекрасный и почетный титул главе государства? Вильгельм Пик — это бесстрашный борющийся за свободу, за дружбу между народами, немецкий патриот, выступающий за объединение Германии.

«Наш Вильгельм Пик» — так с любовью называют его миллионы немецких мужчин и женщин.

Вид на венгерскую столицу с одной из возвышенностей.

ПРИМЕТЫ ДРУЖБЫ

Когда бродяшь по улицам и набережным Будапешта и наслаждаешься его величественной красотой, когда, оставив позади равнину, идущую в просторном автобусе по живописным горным дорогам между древним Эгером и индустриальным Мишкольцем, когда расквашив воды Дуная на конфортабельных пароходах, соединяющих со степенной столичной верфи имени Георгия-Дежа, или знакомящихся со стройной Сталинвароша,—ты повсюду встречаешь друзей. Приветливы их лица, крепки рукопожатия.

Трогательные приметы дружбы советский человек видит в Венгрии буквально с порога страны. Первая пограничная станция — Закон. Но так ее именуют только в официальных документах. Венгры говорят: «Золотые ворота в Советский Союз».

В городах, селах и просто на перекрестках дорог много памятников. Они воздвигнуты в честь солдат и офицеров Советской Армии, лавины тайфисской смертельной в боях с порабощателями венгерского народа. И где бы ни находились эти памятники: в городе, деревне или вдали от населенной местности,—везде и из постоянных чьих-то заботливых рук возлагают живые цветы.

В каждом городе страны есть площади и улицы, носящие имена наших соотечественников. Едва ли не самые красивые места Будапешта — это проспекты Ленина и Сталина, улицы Ворошилова и Кирова, площади Молотова, аллея Горького, улицы Лермонтова, Маяковского.

Приезжаем непременно покажут в столице улицу, которая носит имя Гусева — капитана русской армии, казненного по приказу царя за то, что он, выражая истинные симпатии передовых людей России к героям 1848 года, нестремительно участвовал в подавлении революции.

На территории будапештского городского парка находится выдающийся памятник венгерского родчества — Яскава часовня XII века. На стене ее надписи: «Проверено. Мин не обнаружено. Лейтенант Бобылев». Интересно, что надписи, сделанные в разгар дружбы за Будапешт, постоянно любовно реставрируются хранителями часовни.

Эти подробности поведали мне, советскому туристу, простые люди, сохраняющие в своей благодарной памяти множество подобных примеров. Привет дружбы очень много. Дружба крепка и верна, ибо она основана на единстве целей, на глубоком взаимном уважении и национальном традициям, на стремлении по-

ВЕНГЕРСКАЯ НОВЬ

А. ШАПС,

заслуженный артист ВССР, лауреат Сталинской премии

знать и освоить все то прекрасное, что внесли в мировую культуру венгерской и советской народы.

НЕИСЦЕРПАЕМЫЙ ГОРОД

О Будапеште сказано много хороших слов и в стихах и в прозе. Но мне хотелось бы привнести к нему эпитет «неисчерпаемый». Этот город замечательен именно тем, что каждый найдет в нем для себя то, что его особенно интересует.

Любитель живописи насамым будет бродить по залам Музея изящных искусств, где собраны лучшие картины Михая Мункачи, Пала Сиена-Мерсе, Кирола Ференци, Иштвана Чока и многих других замечательных художников Венгрии. Прекрасно представлены в музее и живописцы Италии, Испании, Франции. Здесь хранятся бесценные полотна Тициана, Рафаэля, Рыбьера, Греко, Курбэ, в частности его знаменитые «борцы».

Много радости доставит Будапешт исторiku. Гуляя по Обуде — старейшей части города,—он с интересом осматривает построенные римлянами амфитеатры, образцы сохранившейся на камнях письменности, баню, водопровод, относящийся к 378 году.

А любитель сценического искусства обязательно побывает в Национальном театре, где идет «Мать Горького в постановке Тамаша Майора и Эндре Геллерта, пойдет на «Тору» Генрика Ибсена в театр Мадана, послушает в опере знаменитое творение Эркеля «Банк бани или посмотрит балет «Шелкунчик», поставленный совместно с советскими коллегами и в тандеме нескольких лет идущий при сплошных аншлагах.

Я побывал также в Будапештской оперетте. Кстати, москвичи уже познакомились с этим прекрасным театром: он приезжал к нам в гости. Мне, как режиссеру, хочется сказать о нем несколько слов.

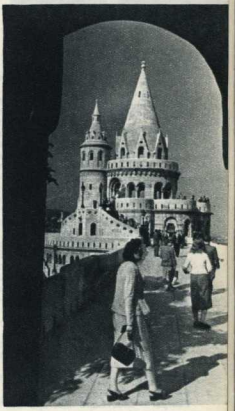
Фото В. Гребнева.

Дети рабочих одного из будапештских предприятий на прогулке в городском парке.

Когда смотришь в Будапештском театре оперетты, скажем, давным-давно знакомую «Сильву», вдруг начинаешь понимать, что это — по-новому прочитанное, издано произведение. Иштван Бекфи и Деже Келлер, бережно сохранив лучшее из старого либретто, дополнили его убедительной разработкой образов.

Оперетта требует от артистов равно отличного умения как в пе-

На берегу голубого Дуная стоит старинный Дуная.

нии и танце, так и в ведении режиссерского диалога. К сожалению, такое сочетание встречается не столь часто, и именно в этом одна из сильных сторон венгерской оперетты.

Как из чудесного рога изобилия, театр щедро одаряет свою аудиторию разнообразными талантами. Трудно сказать, кто более молод на сцене: юная Марика Немет, ее ровесница Магда Ченеш, неутомимый импровизатор Роберт Ратони или прославленная prima donna, много лет украшающая венгерскую оперетту, знаменитая Ханна Хонти.

Конечно, Будапешт, как и Венгрия — родина оперетты, у нее здесь богатые традиции. Но успех, достигнутый театром, происходит не просто от счастливого

Памятник национальному герою венгерского народа Иосифу в Будапеште.

рождения. Это результат упорного труда и верных исходных позиций. А исходные позиции театра заключаются в умелой подготовке кадров, разумном использовании актеров, тактичном сочетании молодежи и опытных мастеров.

Мне думается, что наши театральные руководители могут многому научиться у своих венгерских друзей.

Только два года назад окончила театральную школу двадцатипятилетний Миклош Синетар, постановщик «Сильва» (Бюролевые чардаши). За два года он уже поставил восемь опер и оперетт, в том числе «Алсуинга» и «Гранд-бю» в Театре оперетты, «Фра-Джованно» — опере, «Кето и Котва» — в Заленом театре имени Маяковского.

Разумеется, не все у молодого режиссера равноценно. Но старшие товарищи терпеливо и охотно передают ему свой опыт. Сейчас Миклош Синетар готовится к постановке новых спектаклей.

Человек, побывавший в Венгрии, не может умолчать и о футболе. Венгры — блестящие мастера кожаного мяча. Их успехи в этом виде спорта, несомненно, основываются на массовости.

В самом Будапеште десятки хороших стадионов. Народный стадион вмещает сто тысяч зрителей, а когда он будет достроен, на нем смогут разместиться сто пятьдесят тысяч. Я обратил внимание на то, что очень хорошие футбольные площадки есть не только в городе, но и буквально в каждой деревне. Так и чередуются в селах пшеничные, кукурузные и футбольные поля.

Однако справедливость требует признать, что в футболе наши друзья — порой бывают весьма необъективны и слишком азартны. Когда, казалось бы, неотразимый удар Пушкаша, левого полусреднего венгерской сборной команды, в виробатическом броске парирует Яши, многоэтажный стадион молчит. Может быть, у венгерских болельщиков не принято

кричать на стадионе? Нет... Как только свисток судьи возвещает начало матча, стадион уже гремит «Го, ро, мадьор!» («Вперед, вперед, мадьор!»), посылая всевозможные Вздохи, устона гостей не доставляют зрителям особого удовольствия...

После митинговля стадиона нам было особенно приятно погулять под сенью каштанов на острове Маргит, в этом красивейшем уголке Будапешта. Остров Маргит с его превосходным парком, пляжем, бассейном, минеральными источниками, замечательным театром — излюбленное место отдыха жителей венгерской столицы.

НА ЗАВОДЕ ИМЕНИ КЛЕМЕНТА ГОТВАЛЬДА

Желание увидеть, как растет и крепнет новое, привело нас на завод имени Клемента Готвальда — одно из самых старых и крупнейших предприятий венгерской электротехнической промышленности. Историю завода неторопливо рассказал нам главный инженер Сабо Кене, работавший здесь уже тридцать шесть лет.

Много злоключений претерпел завод за время своего существования. В годы второй мировой войны он был почти полностью разрушен и превращен в фашистский завод.

Новая жизнь завода началась после национализации, в 1946 году. За годы Народной власти предприятие сильно разрослось. Некоторые его цеха выросли в самостоятельные заводы.

Мы знали, что на заводе имени Клемента Готвальда работает Герой Социалистического Труда сесарь-новатор Лайош Комарони. В газетах писали, что он усовершенствовал фрезу, присланную ему ленинградцем Иваном Леоновым. Лайош Комарони недавно побывал в Москве и Ленинграде, где встретился и поделился опытом со своими советскими друзьями. Вернувшись домой, новатор создал еще более совершенную фрезу. Комарони охотно показал нам свою новинку.

Мы интересовались разными

цехами завода. Мастер Комарони взялся нас сопроводить. Мы стали отказываться, говоря, что не вправе его отрывать от работы. Улыбнувшись, он ответил: — Ничего, ради такого случая не жалко тридцать минут из тысячи девятсот шестьдесят третьего года!

Прославленный новатор работает уже в счет 1963 года.

На заводе мы увидели, как трудится молодённая бригада имени Алексея Маршалева, которая за год сэкономила заводу миллион форинтов.

Комарони позанимал нас и с известным токаником Руш Тибором, награжденным четырьмя знаками отличия производства. Руш Тибора называют венгерским Бирковым. Тибор работает на токарном станке № 11148, выпущенном московским заводом «Красный пролетарий».

Руш Тибор сказал нам: — Передайте рабочим «Красного пролетария», что я и мои сменщики уже три года работаем на этом станке и ни разу не ремонтировали его. Спасибо!

Когда пришла пора уезжать с завода, мы обменялись с нашими новыми друзьями значками. К сожалению, у нас не хватило значков для всех. Тогда мы стали искать, что еще можно подарить друзьям на память. В булавонике я случайно обнаружил книжечку билетов московского метро. 1946 я хотел положить ее обратно, как слышавший радостные восклицания: «Москвы! Метро! Москва!» — и билеты были разобраны как драгоценные сувениры.

ПРАЗДНИК ВИНОГРАДА

Одно из самых красивых мест Венгрии — Вишеград, что в сорока километрах от Будапешта. Мы проезжали через него как раз в праздничный день завершения сбора винограда.

Секретарь Вишеградского района комсомола Татрой Шандор вольнолично сказал нам:

— После того, как народ взял власть в свои руки, этот праздник отмечается у нас впервые —

и, помолдав немного, добавил: — То нышала непогода, то урожай не высеяли, а сейчас и то и другое прекрасно...

Наш разговор был прерван появлением музыкантов в пестрых костюмах, в ярком цирковом гриме, с красными носами и белыми, нелюдурными лицами. Все собралось во дворе маленького местного ресторана, где началось соревнование и игры.

Во всю ширину двора натянута веревка, а к ним привязаны игольчатые кисти, огруци, морковки, яблоки. В центре, как своеобразная люстра, висела гигантская кисть винограда.

Юноши и девушки с завязанными глазами пытались сорвать по выбору товарищей то яблоко, то морковь, то гроздь винограда. Разумеется, тут не обошлось без курьезов, без веселых шуток и злого смеха.

Победителю присуждается награда, мучдучкалка — штраф. Для того, чтобы не было обидливым, необходимо, конечно, беспристрастный судья. Судей избирается один из лучших сборщиков винограда. За ним посылаются забавно разукрашенная колбаса.

Пока ждали за судей, во дворе готовились к торжественному шествию ряженые: клоуны, копылсы, починщики старой посуды. Татрой Шандор объяснил нам, что профессия починщиков была весьма распространена в старой Венгрии.

Вскоре прибыла целая кибитка цыган — загримированных юношей с привлеченными громадинами Бородками.

На повозку, запряженную волами, водрузили огромную, празднично украшенную бочку, внутри которой спрятались затейники. Это веселое шествие пронеслось с песнями, шутками, прибаутками. С каждым шагом оно становилось многолюдней. Звучали национальные мелодии. Все плясало, кружилось, лезло.

Праздник продолжился до поздней ночи. Поездка в новую Венгрию доставила нам, советским туристам, много радости.

В сельскохозяйственном кооперативе имени Мичурна.

Лен Фокс,
австралийский писатель.

Рисунок В. Орлова.

Я ВИДЕЛ ПАРНЯ, ПОХОЖЕГО НА БИЛЛА

Рассказ

Вчера вечером я видел парня, похожего на Билла. Он стоял на углу в такой точно позе, как, бывало, стоял Билл... Тот же староруженый и в то же время твердый взгляд... Он курил сигарету и, казалось, обдумывал что-то очень важное.

Я знаю: это не мог быть Билл. Билл похоронен где-то там далеко, в Новой Гвинее. И все-таки, когда я увидел того парня на углу, клубок подкатил мне к горлу. Мы, бывало, вечно цапывали, я и Билл. Ни разу друг другу ласкового слова не сказали. Но когда его отпарывали на Север и я прощался с ним, мне казалось, оба мы повяли тогда цену нашей дружбы.

Билл считался на заводе красным, а я был клеюм заводского комитета. Вначале мы с ним часто воевали; обычно я первый его задевал. Но он относился ко всему с веселой усмешкой, и вскоре заводским ребятам позволилось его высмеивать физиономия.

А потом как-то ховина решил уловить нас с работы — меня, Билла и еще одного парня. Ну, казалось, нам крышка. Цеховым организатором в те дни был один грузинский старикан, и он ничего не стал для нас делать. Я сразу махнул на все рукой и сказал своим товарищам: ничего, видно, не поделаешь; а вот Билл созвал рабочих, все с той же веселой улыбкой побойбас с ними немного и сумел уловить их бросить работу. Рабочие покинули завод и заявили, что не вернутся до тех пор, пока нас не восстановят.

Мне кажется, Билл сам был удивлен таким оборотом дела. Ховина сказал: так и сеи, как блин без дрожжей. А какие перемены это вызвало в заводском комитете! Рабочие потребовали, чтобы Билла сделали цеховым организатором, а он настоял, чтобы назначили меня. Но мы с ним работали вместе.

Правила, мы вечно задирали друг друга, но... впрочем, я полагаю, вы ведь кое-что читали и знаете из книг о таких вещах, как дружба и солидарность.

Вот все эти мысли и ползали мне в голову вчера вечером, когда я встретил того парня на углу. Наутро я обо всем позабыл, но потом купил эту грязную газетку, и стал читать, и увидел там заголовки об освобождении японских военных преступников и о том, что американские войска направляются в Японию, и о нашем «любезном» договоре с этими «любезными» военными акулками, теми самыми, что убийи Билла в Новой Гвинее.

Тут мне стало немного не по себе, должен вам сказать, когда я сидел и читал все эти во-

вост и думал о том, как, вероятно, стало бы не по себе и Биллу, если бы он сейчас вернулся.

Да, вот так я сидел, жевал свой завтрак, и настроение у меня было неважное. Вдруг заходит ко мне Алан и говорит:

— Слушай, я тебя повсюду ищу. Почему ты не на митинге?

И тут я вспомнил о том, что сегодня митинг в защиту мира. А у меня, дурака, это совсем из головы вылетело.

Но, к счастью, беда никакой не случилась; времени у нас было еще уйма, и мы с Аланом направились к воротам. Алан — коммунист и хороший парень, но он еще слишком молод, вспыльчив, и нет у него того обаяния и простоты в походе к людям, какими обладал Билл.

— Делу не так уж хорошо, — сказал мне Алан по дороге. — Едва ли кому удастся подойти к воротам и попасть на митинг. По правде говоря, это довольно трудно. Стоит там, сбавившись в кучу, новозастреливший, а позади старого гаража молодчик Курн играет в покер, так что даже некоторые из военных не осмелевают подойти, чтобы послушать выступление пастора.

Так он шел и скукал, как вдруг со стороны ворот подбежал к нам Фил.

— Скорей, — завопил он, — полисмены, полисмены!

Алан побежал было, но я сказал:

— Не бега, спокойнее. В чем там дело, Фил?

— Полиция, — сказал он, — полиция. Полным-полно наехали. В большой машине. Значит, будет беда, большая беда!

Мы подошли почти к самым воротам. Тут уже собрался рабочий; участники митинга приехали на машине, и среди них пастор. Машина с полицейскими стояла поперек дороги. В ней сидели сыщики в штатском.

Когда мы подошли к воротам, полицейские вышли из машины и направились к нам. Я кивнул Алану и Филу, чтобы они бежали назад и созвали бы наших парней с завода, а потом с остальными участниками митинга мы прошли вперед, чувствуя, что представление сейчас начнется.

— Где ваше разрешение? — обратился один из племеников к пастору.

— Нам не нужно никакого разрешения, — твердо заявил пастор, словно всю жизнь имел дело с полицейскими.

— Без разрешения вы не имеете права пользоваться громкоговорителем.

— Прекрасно, я буду выступать без громкоговорителя.

— Дело не только в этом. Как мы знаем, в наши обязанности входит не допускать никаких помех городскому транспорту.

Все это мне не нравилось. Полицию, вилло, прислали для того, чтобы привлечь и отругать пастора, в случае если он выступит с речью.

Я оглянулся. Алан и Фил продавали хорошую работу. Наши ребята все прибывали и прибывали. Собрался, казалось, уже весь завод. Рабочие образовали вокруг ворот довольно плотное кольцо.

И вот толпа рабочих вдруг вылилась между пастором и полицейскими, люди подняли пастора и поставили его на трибуну, и он начал свою речь. Вначале он, признаться, мучновал себя не совсем уверенно, и полицейские стали протискиваться к нему сквозь толпу.

«Даже если они его теперь остановят, — подумал я, — все равно он проявит себя молодцом».

И тут кто-то в задних рядах начал скандировать:

— Свобода речи... свобода речи... судя по произношению, должно быть, кто-то из перселденцев.

Через секунду вся толпа подхватила хором:

— Свобода речи, свобода речи, свобода речи...

И мы бы видели, как пастор огадел все, глубоко вздохнул и улыбнулся, продолжая свое выступление.

— Братья рабочие, — сказал он, и видно было, что говорит он от души, и ребята сомкнулись вокруг него таким тесным кольцом, что теперь полицейские уже никак не могли пробиться к оратору.

Когда митинг окончился, полицейские записали фамилию пастора. В тот же день в вечерних газетах появилось сообщение, что правительство пыталось задержать делегацию, направляющуюся на маршуту конференцию в Пеккин.

А когда после митинга рабочие вышли на ворот и направились по домам, на их лицах появилась такая улыбка, словно они одушили в себе силу, которой бы страшнн он ощущал маршутный диктатор.

Мы с Аланом шли к троллейбусной остановке, и тут нас догнал старый Пэдди.

— Знаете, о чем я подумал сегодня? — как всегда, спокойно произнес он. — Я подумал: вот было бы хорошо, если бы Билл мог увидеть это. Увидеть нашу солидарность...

Перевела Н. ВЕТОШНИНА.

ПОКОРЕНИЕ МУЗДЖИЛГИ

Команда мастеров-альпинистов общества «Спартак» побывала на Северо-Западном Памире, в районе Мазарских Альп. Спортсмены совершили несколько восхождений высшей категории трудности. Им удалось подняться на Мазарские высоты, до сих пор считавшиеся неприступными. Мы публикуем рассказ одного из участников штурма наиболее труднодоступной вершины — Музджилги.

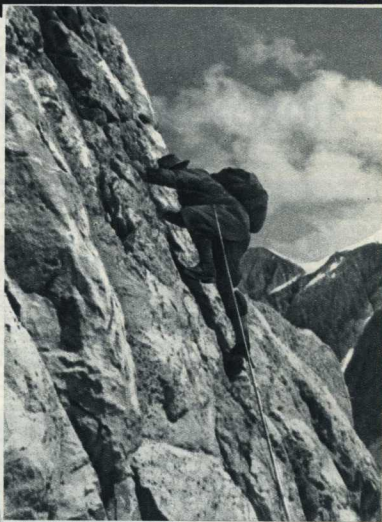
Десять часов вечера. Темнеет. Можно подавать сигнал. Головка сигнальной спички, зашнуров, ярко вспыхнула. Отвернувшись от ослепительного зеленоватого пламени, Виталий Михайлович Абалаков высоко поднял руку, выждал минуту и с силой бросил спичку. Падающая она осветила круто уходящий вниз заснеженный обрыв и погасла. Когда глаза привыкли к полутьме, вновь стал виден длинный изрезанный гребень горы, уходящий в долину реки Мук-Су. Километрах в пяти к востоку, за цирком ледника Музджилги, на фоне вечернего неба темнела северный гребень Сандала. Далеко внизу хребты сближались, в провале между ними поблескивали

извилистые полосы рукавов Мук-Су. Через некоторое время там появилась слабенькая светлоселеная точка. «Сигнал благополучия принят! Наши друзья, оставшиеся в базовом лагере и наблюдающие за восхождением, теперь могут быть спокойны за нас. Абалаков повернулся и пошел ко мне, аккуратно опрессовывая ступени на крутом снежном склоне, а правой рукой агония ледоруб по самую головку. Я наблюдаю за ним, осторожно выбираю конец. Вдруг рыжок, связывающая нас капроновая веревка натянулась. Абалаков соскользнул по склону вместе с пластом снега и повис над пропастью. Слышу, как, укрепившись, он рубит ступени на обнажившемся льду. Через несколько минут Абалаков выбирается ко мне. Мы молча переглядываемся: хорош был бы «сигнал благополучия!».

Вместе возвращаемся к палаткам, разбитым на небольшой снежной площадке. Палатки, освещенные изнутри, выделяются в темноте светлыми пятнами. Гудят походные бензиновые примусы. В лагере готовят ужин. Издалека мы узнаем голоса Фархда Уллубекова, инженера-авиастроителя, и Петра Буданова, начальни-

Валентина Чередова укрепляет прочные веревки, которые помогут преодолеть препятствия.

Фото заслуженного мастера спорта М. Ануфрикова.

По таким скалам пробирались альпинисты к вершине Музджилги.

ка чека одного из ленинградских предприятий. Сегодня их очередь заботиться о питании, и они оживленно обсуждают меню.

Мы стравиваем снег со штурмовых костюмов, сбиваем лед с оловянных шипами ботинок. Входить в палатку в обмерзшей одежде нельзя: отсыреют пуховые спальные мешки.

Осторожно, чтобы не опрокинуть примусы, стоящие у входа, располагаемся рядом с товарищами. Рассказываем, что обмен сигналами состоялся. Обожженные солнцем и морозом, искудившие, заросшие недельной щетиной лица альпинистов светлеют. Еще был сигнал удалось пере-

дать вперевы после пятнадцатого перевыва.

Снаружи завывает ветер. Хорошо, что кончилась пурга. Иначе мы потеряли бы четыре дня.

Мы неторопливо ужинаем, пьем чай. Спать не хочется: отоспав за дни отседом. Долго курим, строим прогнозы. Если завтра погода будет хороша, попробуем форсировать крутой, технически сложный взлет гребня, ведущий к вершине Музджилги.

Наутро сильно подморозило, ветер утих. До края горизонта безоблачно, ясное небо. В предвещении тяжелого дня платно позавтракав. Заслуженный мастер спорта Михаил Ануфриков — наш кинолетописец — долго возится с ручной камерой, что-то проверяет. Наконец все готово. И вот уже четыре идюйны — мы идем попарно — растаялись одна за другой на снежном взлете.

Участок пути, разведенный накруне, был бы пройден значительно быстрее, если бы не киносьемки. На гребне ветер гонит облачка снежной пыли вверх по склону. Когда порыв ветра затихнет, снег опять скатывается вниз, сдувая людей. При ярком боковом освещении это выглядит очень эффектно, и Ануфриков, естественно, не может упустить случая заснять интересные кадры. Как-как прилежались на сдвоя крутизне, Ануфриков, надежко ограненный партнером Виктором Буслаевым, быстро организовал здесь фильм Союзкинохронки. В течение часа — полтора из снежного облака на крутом склоне раздаются команды: «Спокойно, снимаю», «Не гляди в объектив», «Стоп, пленка кончилась, перезагружай!».

Особенно внимателен был наш оператор к заслуженному мастеру спорта Валентине Черновой. Единственная женщина в группе, она выделялась на фоне наших небритых физиономий, и понятно, что Ануфриков избрал ее центральным объектом съемки. Кадры, отснятые в те дни Ануфриковым, теперь украшают фильм «Покорение Музджилги», выпущенный Московской студией Союзкинохронки.

За день удалось пройти весь крутой взлет гребня. Заночевали мы на высоте 6 275 метров. До вершины оставалось 100 метров...

Наутро вышли налегке, оставив в лагере палатки, спальные мешки и почти все продукты. Сильно сказывалась высота: не хватало воздуха, повелевался неприятная слабость. Сделав десяток шагов, невольно приходилось отдыхать. Впрочем, останавливались еще и потому, что склон крутой и шли мы с опорными оградениями. Пока стоишь у крюка, наблюдая за товарищем, силы несколько восстанавливаются.

Впереди наиболее трудный участок всего маршрута — штурм вершинной башни Музджилги, которая возвышается сорокаметровой гладкой, отвесной стеной. Еще более трудны подступы справа и слева. Выбора нет — или мы поднимемся по стене, или отступим, не достигнув вершины. А это значит, что все усилия были напрасны.

Но нет, альпинисты не сдаются! Самый опытный из нас, начальник группы Виталий Михайлович Абаляков, взяв на себя труднейшую задачу: он начал подни-

маться первым, на страхове снизу. Это значит, что в случае срыва альпинист сначала будет падать до крюка, а потом еще на всю длину веревки и лишь тогда повиснет над пропастью.

Пройдя около метра, Абаляков нашел трещину и забил крюк, в который продел веревку. Теперь пункт окрестности перенесен на метр выше. Следующий уступ, до которого он дотронулся рукой, оказался ненадежным: камень шевелился. Абаляков сбросил его вниз, оперся на очистившийся уступ рукой, перенес ногу на следующий уступ. Чуть выше углубление в скале, но оно залеплено снегом и льдом. Пущен в ход ледоруб. Проходит минута, другая — уступ чист. Так, шаг за шагом, метр за метром, Виталий Михайлович неуклонно продвигался вверх...

Три часа длился этот подъем. Наконец Абаляков вышел на удобное место, куда можно принять партнера.

Я поднялся к нему тем же путем, но уже на страхове сверху. Это куда проще! Мы сбрасываем вниз веревку, надежко укреплённую на крюке. Тенеро товарищи могут подниматься, используя веревку как дополнительную точку опоры. Вот уже рядом с нами Буслаев, Улумбеков... Вскоре вся группа собралась на вершине.

Один из самых опытных альпинистов, заслуженный мастер спорта СССР В. М. Абаляков.

Чудесный вид открывается отсюда. Море заснеженных гребней трондхемиза вокруг. Застывшими реками кажутся огромные ледники. Анатолий Сысов, художник по профессии, прищурившись, пристально смотрит в сторону пика Ленин. Красиво, но рисовать невозможно. На таком ветру и морозе недолго остаться без пальцев. С отменным усердием щелкаем кино- и фотоаппаратами. «Сменная кобылицца», как в переводе с киргизского называется Музджилги, покорена.

Но истинная прелесть восхождения не в одной красоте природы, а в торжестве человека, одержавшего победу. Мы мерзли, голодали, трудно было дышать, на каждом шагу нас подстерегали смертельные опасности. Но мы не отступили, преодолели трудности, плечом к плечу поддерживая, выручая друг друга.

На пути иставали огромные трещины.

***

Оставая на вершине Музджилги в одной из скальных трещин записку о восхождении, мы вернулись в лагерь «6275 метров». А на следующий день ранним утром наша группа уже направлялась по гребню к безымянной

вершине, которой мы дали имя «Комсомольская правда».

На шестнадцатый день пути мы спустились с гребня Сандала в базовый лагерь, где нас дожиде- лись друзья.

Л. ФИЛИМОНОВ,
мастер спорта СССР.

Трудности остались позади. Спускаться гораздо легче.

Официантка сконфузилась.

— Не обращайтесь внимания, девушка! — весело сказал сосед Юра. — Он пошутил, но, кажется, не совсем удачно.

— Я не шушу, — отозвался Юра. — Если мой папа много зарабатывает, это это еще не значит, что я должен сорить деньгами. Большинство нравственных падений, говорил мой мама, происходит от неумения обращаться с деньгами.

После этих слов студенты уже больше не смеялись.

Каждый вечер юношам на ужин приносили молоко — целый бидон за три рубля. Но Юра заявил, что он не может вести расходы наравне со всеми.

— Я не выпиваю молока столько, сколько вы, — говорила он товарищам. — Вот вы какие здоровые! Давайте сделаем так: вы будете покупать молоко для общего стола, а я у вас перекупать один стакан. Думаю, что в цене вы не обидитесь.

Ему никто не возражал. Но когда Юра на следующий вечер положил на стол двадцать копеек и попросил налить ему стаканчик, молоко в бидоне не оказалось.

— Значит, что, — скавали ему ребята, — лучше ты купишь молоко сам. Живем мы как ты видишь, на широкую ногу, не всегда у нас есть слава с двадцать копеек.

И Юра начал покупать молоко самостоятельно. Однажды ребята решили съездить на соседний завод посмотреть, как проходит ремонт сельскохозяйственных машин. Юра уже сидел со всеми.

— Стоит ли трагистс сорок километров на грузовике, если это посещение не входит в нашу программу? — спросил он старшему группы, а группа вернулась, Юра уже лег в постель.

В первый же вечер дома он рассказал и о ситуации с супом, и о покупке молока, и о своем отказе поехать на ремонтный завод.

— Ты вел себя правильно, — сказал папа Гаврило. — Наука! А если ты человек пошлого происхождения, или только половину, до этого никому не может быть дела.

— Да, да, — поддержала мама, — так ты можешь многого достичь в жизни.

Юра скромно потупил глаза. — Для Натальи Павловны и Григория Ивановича Бакинских с первого дня рождения Юра было ясно, что они имеют дело с человеком выдающихся способностей. Другие ребятажи бегали по диору, играли, иногда даже аркались.

Но Юра всегда сидел в стороне. Родители всячески оберегали Юру от тлетворного влияния среды, воспитывали его в духе бережливости и бережливости. Папа и мама больше всего боялись, как бы из Юры не получился пыльник и мот. А Юра рос эгоистом. Забо-

тился только о собственном благополучии. Что бы ни происходило в коллективе, Юра прежде всего задавал себе вопрос: а какая от этого мне польза?

Григорий Иванович и Наталья Павловна очень любят своего единственного сына. Они хотят, чтобы он был воспитанным, послушным, скромным. Но в каждом из этих хороших понятий они вкладывают свой, особый смысл.

Однажды, когда Юра был уже студентом, Григорий Иванович привез ему из командировки шегольской костюм из шелковой подкладкой. Неожиданно против этого подарка решительно восстала мама.

— Ты знаешь, каких усилий нам стоит, чтобы Юра ничем внешне не выделялся, — сказала она мужу. — Юра же давно к профессору сылку пригласился приятеля, которые свели бы на нет всю нашу систему воспитания.

На семейном совете было принято решение проехать костюм, дабы он не привлекал к Юре завистливых и разгульных друзей, которые, по мнению мамы, должны были непременно появиться, как только он наденет этот шик-модерн.

Друзей у Юры не было. И они едва ли появлялись бы у него, если бы даже семейный совет принял решение оставить костюм. По внешнему виду Юра Бакин ничем не отличался от других студентов, но по внутреннему содержанию являл им полную противоположность. Юра ходил на студенческие вечера не потому, что любил их, а потому, что считал неудобным отрываться от коллектива. Его присутствие никогда не вызвало оживления. Он стоял гаснущий в стороне, наблюдая за танцующими парами.

Юра не участвовал ни в кружках, ни в спортивных состязаниях, которыми так увлекались другие студенты.

— Тебе лучше заниматься наукой, а тебя там заставят бегать всякие кроссы, — поучала мама.

И воображение Натальи Павловны сейчас же рисовало ей ужасную картину: в неорганизованной толпе, одетый лишь в трусики, неизвестно куда и зачем бежит сын профессора Бакина, и кто обижает детей родителей, возможно, не имеющих даже среднего образования.

Юра втайне был убежден, что он значительно сильнее, умнее, талантливее всех, кто учился в институте. Так же думал папа и мама. Правда, со стороны трудно было заметить в Юре эти «исключительные» качества. Преподаватели судили о нем только по его знаниям, поэтому надо полагать, потому в его зачетной книжке накопился удивительный список. Наоборот, Юра Бакин сам во всеуслышанье заявлял о своих исключительных способностях. Происходило это на заседаниях Государственной комиссии по распределению молодых специалистов.

Именно здесь ему было необходимо доказать, что он достоин, чтобы стать ученым, — сказал Юра. — Мой папа — один из виднейших специалистов в области коллективных процессов.

Сверх ожидания заявление выпускника не покорило решения комиссии. Члены комиссии, во первых, исходили из интересов самого молодого инженера, считая, что ему полезно поработать три — четыре года на ардуном харьковском заводе, прежде чем заняться научной деятельностью. Во-вторых, члены комиссии исходили из государственных интересов: на производстве куда послали Юру, очень нужны специалисты.

Однако студент Бакин смотрел на дело совсем иначе. Зная, что ему предстоит в институте, он рассматривал прежде всего как свой собственный капитал. Короче говоря, он категорически отказался уезжать из Москвы.

— Правильно! — сказала мама. — А если они будут настаивать, с ними поговорит папа.

Профессор Григорий Иванович Бакин много лет заведует кафедрой в одном московском институте. Ежегодно сотни его питомцев, закончив институт, разъезжаются по всем концам страны. Профессор Бакин всегда считал это вполне закономерным и справедливым: специалисты нужны везде. Но, когда узнал, что его сына отправляют на периферию, возмутился. Разъяренный и досаждаемый, какую грубую ошибку допускает комиссия, Григорий Иванович утверждал:

— У Юры выдающиеся способности к научной работе...

Когда Юра собрался уезжать на производственную практику, папа обратился к нему с небольшой научнейшей речью. — Я уверен в твоем хорошем поведении, — сказал он, — но все-таки считаю необходимым напомнить еще раз о том, что ты должен быть благодарным и экономным. Я мог бы дать тебе больше денег, но ограниченно сумму в воспитательных целях. Иначе это всегда приводит к плохим последствиям.

Наталья Павловна, складывая в корзину жареные пирожки и вареные шкурки яйца, не преминула заметить, что этих продуктов ему должно хватить на всю дорогу.

— Будь осторожен, — добавила она. — В поезде на ночь клади корячку под голову.

Юра потянувшись вассуляту наставления. В тот же день он вместе с другими студентами института выехал в один из крупных железнодорожных Юра.

Дорога прошла благополучно. Сразу по приезде на место студенты отправились в столовую. Официантка подала первое. Все с аппетитом принялись за суп, но Юра вежливо попросил отлить половину порции обратно в котел.

— Не стесняйтесь, кушайте больше, товарищ студент, — сказала официантка. — Супу у нас много, всем хватить!

— Вы меня не поняли, — настаивал Юра. — Мне достаточно половины порции. И это соответствует с этим я хотел бы ухватить за первое не рубль тридцать, а шестьдесят пять копеек.

ОСТРОЕ ОРУЖИЕ

Недавно в Москве побывал известный французский карикатурист Жан Эффель. Сегодня мы расскажем нашим читателям о творчестве этого замечательного художника.

C'est avec joie que je transmetts à "Smena" mon salut à la jeunesse soviétique, espoir de l'Humanité

*За
Эффель*

С радостью я передаю через «Смену» мой привет советской молодежи — надежде человечества.

Жан Эффель.

Эффель — большой, искренний друг Советского Союза. В нашу страну он приезжал пять раз. Он радуется успехам вымышленного строительства СССР, интересуется культурной жизнью наших социалистических республик.

Своим замечательным творчеством французский художник борется за счастье человека. Он зорко видит врага и в фашистской сатире, и в обывательстве, и в про-

Практически всемирно известным художником до сих пор не признают Китайскую Народную Республику.

(Из газет)

Один из лидеров — Гу Ли-вер? Или же еще Гу Ли-вер? Или правительство не признает никаких Гу Ли-веров!

данном министре, и в религиозных суевериях.

Сатирик Эффель неисторично выдумал. Живое, своеобразно рассказывающее о том, как создавался коммунистический Китай, из этой серии уже вышли в свет.

«Моя намерения», пишет Эффель в предисловии к первой книге, — было создать забавную, зоркую и оптимистичную историю, я желаю речь в защиту материализма... Книга до сих пор являет картину мифа. Мой мифый бог являю не жалостливый библейский бог. Он чрезвычайно дружелюбен и неагрессивен; он — родня елочного человечка, рассматривая же, я желаю речь в защиту материализма... Книга до сих пор являет картину мифа. Мой мифый бог являю не жалостливый библейский бог. Он чрезвычайно дружелюбен и неагрессивен; он — родня елочного человечка, рассматривая же, я желаю речь в защиту материализма... Книга до сих пор являет картину мифа. Мой мифый бог являю не жалостливый библейский бог. Он чрезвычайно дружелюбен и неагрессивен; он — родня елочного человечка, рассматривая же, я желаю речь в защиту материализма...

Серия рисунков Жана Эффеля о сотворении мира не просто забавна, она — прекрасный и проницательный учебник по естествознанию. Это — публицистическое произведение, направленное на борьбу с религиозным представлением о мире. Оно задает, «создавать» мир не так просто. Богу пришлось изучить физику и химию, прощупать астрономию и анатомию. Так религиозное содержание в рисунках Эффеля не только забавно, оно художнику весело и убедительно. Неудивительно, что рисунки Эффеля о сотворении Вселенной еще нет. Есть один только бог. Он сидит на обложке м., пускает мыльные пузыри.

Но вот господь-бог решил создать мир. Параллели его помощники стали любоваться и пронзительные ангелы. Из магния, фосфора, хрома и прочих химических

элементов были сделаны Земля и другие планеты, и при помощи обмановной руины Вселенная была запущена.

Мирный труд господь-бога и ангелов много нарушил коварный и злой черт, только и оминая случай, чтобы уничтожить сотворенное. Однако, идея бог зажевал, черт влез внутрь Земли и стал разрушать ее. Полностью сломот

было с первым человеком! Ведь не знал же бог, каким он делал боготворенное. Однако, идея бог зажевал, черт влез внутрь Земли и стал разрушать ее. Полностью сломот

Жан Эффель работает сейчас над очередной частью серии «Сотворение Еммы». Он продвинул свой труд и в том же духе тонкой иронии расскажет о сотворении на Земле зверей и растений.

Л. ВАСИЛЬЕВА

— Вот странно, — отвечая преподаватель, — а мы за пять лет не заметили в нем ничего выдающегося.

— Ах, даже так? — оскорбился Григорий Павлович. Он подошел к телефону и снял трубку: — Присажай и послушай, что говорят о нашем сыне.

Через полчаса комната декана была обложена толпой на факультете, наполненная грубыми звуками, топотом и громом. Наталья Павловна пошла в атаку:

— Мой сын должен жить в спокойствии, учиться спокойно, а вы его гоните в глушь, в Харьков. Вы жестокие, бесцерберные люди!

Вашему сыну будет очень полезна работа на производстве, попытайтесь убедить Наталью Павловну. — Он едет на передовой завод. Немая же, в самом деле, ему быть белоруской...

Слово «белоруска» вызвало в Наталье Павловне возмущение. Юра, все время топтавшийся у дверей, понял, что наступил такой момент, когда маму нужно уволить.

Наталья Павловна удалась, поощряя на прощание, что она поговорит об этом деле в «Службу мест».

Правда домом, профессор Бакин сел за пишущую машинку и затонул несколько жалоб в различные организации от своего и юркого имени. Затем семья Вселенная заявила свои обиды и претензии мам.

— У меня масса аспирантов и даже докторантов, — сказал профессор Бакин. И вы понимаете, какой парадокс: у чужих людей, и вот, оказывается, не имею права учить своего собственного сына!

— Какого сына! — добавила мама. — В институте говорят, что Юра — зюст. Чунчи. Мы его ругали не для того, чтобы он испортился в Харькове. Вот что: если Юра поедет в Харьков, и я тоже вынуждена буду ехать с ним.

— А коль так, — оставил папа, — я тоже вынужден буду прекратить свою научную деятельность в столице и ехать вслед за семьей.

— И потом, — сказала мама, — существует традиция, что дети дружат с педагогами всегда остаются в семье. Я поняла бы если, если б Юру послали на один из московских заводов. Но в Харьков Очевидно, эти люди будут туда рады, если Юра испортит себе желудок в заводской столовой...

Мы слушали этот странный разговор и ждали, когда же закончат сам диалогтрехлетней Юра. Что думает он о своем долге перед страной? Но молодой инженер лишь отвечал на вопросы мамы и папы или согласно кивал головой.

Мы сказали, что решение Государственной комиссии считаем правильным. Наталья Павловна строго возмущалась.

— Но, но! Уж не замедлил ли бы выпалеть фелетно? Никаких фелетново! Фелетново пошлет юрковой карьеру. Нам он сошлет не в худшем. Мы согласались с мнением Натальи Павловны: фелетново писать не стали, но просто изложили факты.

Б. ПРОТЮПОВ,
И. ШАТУНОВСКИЙ

Карикатуры Жана Эффеля можно назвать сроду по самокритичному, неподражаемому почерку художника. Социальная насыщенность, реалистическая подача, тонкая ирония — вот что характерно для рисунков Эффеля. Источником творческого стиля — в народном труде, в революционных маршетажах Дома. Художник всегда берет самые острые, самые злободневные темы и умеет решить их интересно и глубоко.

Оружием для Эффеля — оружие в то время двадцать лет дернит Эффеля это оружие — слухи ругали. Когда в 1936 году над Европой нависла фашистская сатинна, в ряде французских газет стали часто появляться острейшие политические карикатуры, посвященные на борьбу с ирричиной чуждой, разоблачающие врагов народа. Это был голос Жана Эффеля. В течение дня гит-

Убегитесь домой! — поегителестри.

лероской оккупации Франции Эффель являлся активным участником движения Сопротивления. Вместе с Луи Арагоном и Полем Элюаром он выпускал подпольные сатирические листки, пользовавшиеся большим успехом у народа.

С огромной страстностью Жан Эффель и сегодня продолжает бороться за независимость своей родины, за мир. Его бичующие ироничные часто появляются на страницах «Юманите». Недавно в Париже вышел сборник его политических карикатур, разоблачающих поднгиетателей «холодной войны».

В 1954 году Всемирный Совет Мира наградил Жана Эффеля Золотой медалью мира.

О. Д. — выдающийся французский карикатурист-демократ. Рисовал на темы революции 1830—1848 годов.

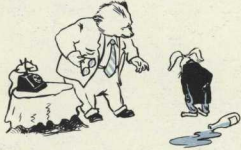
Не по чину

Директор треста «Глапласекан» Медведь узнал, что за обедом Заяц меду чайною ложку хватил. Мед был старый, хмельной, ну, Заяц и окосел до невероятности.

По долгу службы в пасечном окресте ему на барабане играть, а он развалился в тени улья и храплет: не то что барабаном, громом не добудишься.

Разгневался Медведь:

— Пьяного или трезвого, живого или мертвого — ко мне!

Опрокинули на Заяца воды десятко стаканов, подняли за уши, встряхнули на солнце — и к Медведю.

— Опять ты! Опять ты! Опять ты! Безобразная! — вырыкнул Медведь единым духом, а затем почти шепотом, задумчиво добавил: — Пойми, Заячишка, мед — социальное зло. Пойми ты меня хорошенько... Вот тынул ты ложку, дружок. В голове сумбур... Демой приходись, жена ругается. Ты ее, понятно, по боку... Ведь бьешь Заячику? Бывает? Ну вот. И службу проспал. А ежели бы и стал колотить в барабан, все одно напакостил бы. Не так говори?

— Так то-о-о, так начальник!

— То-то. Иди и проникнись. Перевести в официанты! — бросил Медведь уже секретарю.

Вывели Заяца.

В полдень приехал Медведь на пасеку обедать. Пятьдесят лисец-официанток прикатили, четыре бочки меду распечатали.

А Заяц тут же сидит на камешке, пыльными слезами зальвается:

— Не употребляйте социальное зло, так начальник! Ради лешего, не употребляйте! От этого в голове сумбур... Демой приходись, жена ругается. Вы ее, понятно, по боку...

Рис. А. Кокова.

— Убирайся, наглец! — закричала Медведь. — Еще древние говорили: «Что Юпитеру позволено, то не позволено быку». А ты даже не был! Ты Заяц. Далеко тебе до Медведя!

И зачерпнул ведерным ковшом меду...

г. Ростов-на-Дону.

Б. АГУРЕНКО

В приемной

Гражданин вошел в приемную и остановился перед столом секретарши.

Приемная была просторная, обставленная мягкой мебелью. И сама секретарша — блондинка с кокетливо вздернутым носи-

ком и капризным рисунком оранжевых губ — вполне соответствовала уюту и великолепию приемной.

— Скажите, пожалуйста... начал гражданин.

— Я занят! — обрезала секретарша.

Мальком взглянув на посетителя, она стала перекладывать с места на место бумаги и папки.

— Прошу вас... снова заговорил посетитель.

— Обождите!

— Я хотел бы узнать...

— Справки в шестом окне! — Секретарша окинула посетителя уничтожающим взглядом.

— В конце концов, вы грубите! — не выдержал гражданин. — Видно директора, как видно, ослабил дисциплину в аппарате...

— А вам какое дело? — возмутился секретарша.

— Я назначен директором.

Голубые глаза секретарши мгновенно округлились. Она вскопчила так стремительно, как будто ее подбросили пружины стула.

— Боже мой! — В ее голосе зазвучали навязые нотки. — А я и не догадалась предложить вам чай!... Свою минуточку приготовлю... У меня есть домашнее клубничное варенье и свежий лимончик...

г. Ленинград.

В. БРОДОВ

Осторожный критик

— Привет! Ходит слухи, что ваш начальник — гадкий человек.

— Начальник наш? Он не обидит мужик! Я с ним бы рад работать целый век!

— А слышал, что он поддал заваленке, в котором просит увольнение!

— Неужто правда? Вот так да!

Ну если так, то я скажу тогда, что надо гнать давно людей такого сорта!

Он надоед нам хуже черта!

Держали-то за что его, мне непонятно! Ведь он подлец, ханжа, гадость...

— Но он ведь заваленке аздал обратно!

Да неужель! Какая разность! Я, кажется, тогда... Немного разболтался... Я думал, он уйдет... Этого боялся.

г. Сталинград.

Вл. ЗУБИХИН

Пришел к Оглядкину рабочий В большой, роскошный кабинет. Вскочил Оглядкин: — Рад я очень, Привет новатору, привет! Надеемся, ты читал в газете — Изобретатели почтен! Садись, закуривай. Советуй, Как двинуть технику вперед. И что-нибудь там в этом роде В цеху своем изобретай, Ведь это нынче, братец, в моде... Дерзай, твори!

Давай, дерзай! Я поддержать тебя сумею, Как предложенье ты принес. Давай выкладывай идею И ставь ребром большой вопрос. Рабочий мям фуражку нервно И трогал волосы рукой.

Рис. Е. Шуклаева.

— Вы говорили, в общем, верно, Вопрос действительно большой. Я новый метод разработал, Его хватил партиком, завком! Не целый год работу кто-то Усердно держит под замком! Оглядкин вскрикнул: — Неужели Кто волюнтерит! Я им дам!

— Мне заявки в технологиче, Что материал был послан вам. — Ах, этой... Знаю. Он проедет, Когда придет его черед... Ну, а пока отвечу прямо: Нужды не видит в нем завод. Ведь хоть со скрипом, но программу Мы выполняем каждый год. И сам министр в своем приказе Доволен нами был вполне... — Так ведь продукция в два раза Мы можем больше дать стране! — Не горючись! — твердил Оглядкин. — Не наводи свои порядки.

Ты что? Решит сейчас приду, мол, И предьявлю им сразу иск!

Тебе легко: ты сел — придулам, А мне — дела, заботы, риск!

Добро, коль мы решим задачу И обличим твоей труд.

А вдруг постигнет неудача, Кого за шиворот возму?

Пойми, гражданин, мы не дети, Мы знаем, что это за груз...

Рабочий покаян в кабинете Сидит болтуш, бездельник, трус.

***

Взгляни, товарищ, лишней раз: Оглядкин не застрял у вас!

г. Челябинск.

Л. ЧЕРНЫШЕВ

Цена номера
2 руб.

